

Тестирование 1 Января 1940

50 лет назад погиб Мейерхольд

Репетиции и спектакли
Статьи и речи
Беседы и стенограммы
Воспоминания
Исследования

Обвинение
Показания
Допросы
Доносы
Расследование

Расстрел

Вс. Мейерхольд: «Мое творчество — отпечаток смуты современности»

А. Мацкин

Время ухода

Хроника трагических лет

Несколько предварительных замечаний. Я прожил много десятилетий в среде московской литературно-художественной интеллигенции, долго работал в разных столичных изданиях, писал преимущественно на темы театра и был знаком с видными деятелями нашей культуры, причем в иных случаях это было знакомство не только формально-служебное, но и личное, дружеское. И вот теперь, возвращаясь к прошлому, я пытаюсь восстановить образы нескольких знакомых мне людей и сталкиваюсь с тайной, окружающей их смерть. Люди эти разные и принадлежат к разным слоям общества, и место в истории уготовано им разное — общее в их судьбе только невыясненные причины и обстоятельства их гибели. Доподлинно на этот счет существует множество, но ни одну из них нельзя считать безусловно достоверной.

Что толкнуло Фадеева на самоубийство: покаяние, ревизия прошлого, кризис в творчестве, минутная слабость, сумятица в семейных отношениях? Я не понимаю, как можно изучать книги Фадеева в школах, университетах и не знать, что привело его к роковому исходу. Почему в годы уже явно определившейся деспотии Сталина было опубликовано предсмертное письмо Маяковского, а во времена хрущевской оттепели от нас скрыли письмо Фадеева? О том, что такое письмо существует, нам всенародно объявили тогдашние руководители Союза писателей. Известная из газет ссылка на его запови мне кажется оскорбительной. Не таков был Фадеев, чтобы в состоянии даже крайнего опьянения всадить себе в сердце пулю. Почему же до сих пор не опубликовано его, несомненно сохранившееся, письмо?

Из книги «Заметы о Мейерхольде: разные годы жизни и смерти».

Теперь я скажу о другом, о насильственных смертях. Холодным зимним утром 1948 года мы встречались на Белорусском вокзале гроб с трупом Михоэлса, знаменитого актера и руководителя театра. Он поехал в Минск вместе с критиком В. Голубовым по поручению Комитета по сталинским премиям для просмотра спектаклей; там их и настигла смерть. Местные власти и московские руководители Управления театрами сообщили, что Михоэлс и Голубов стали жертвами автомобильной катастрофы. Грузовик по неосторожности шофера сшиб обоих среди развалин еще не отстроенного города. Это была первая версия, потом появились и другие объяснения. Но не надо было обладать милицейским опытом, чтобы усомниться в правдоподобии предложенных вариантов.

С вокзала мертвого Михоэлса повезли в Еврейский театр, где позже состоялся митинг. Актеры ГОСЕТа мне рассказывали, что в те страшные минуты в театре оказался профессор Збарский (тот самый, который бальзамировал Ленина). Осмотрев тело покойного, он сразу сказал, что это умышленное злодеяние. Вскользь об убийстве Михоэлса упоминает в своей книге С. Аллилуева — она слышала разговор отца по телефону. Следует спросить, не сохранились ли в глубоко запрятанных архивах какие-нибудь документы, касающиеся этой акции, и не пришло ли время их опубликовать? В последнее время появилось много публикаций об обстоятельствах убийства. Но никто нам не сказал, кто именно распорядился его убить и с какой целью.

В продолжение этой темы расправ и насилия надо еще вспомнить убийство актрисы Зинаиды Райх, жены Мейерхольда, в их квартире в Брюсовском переулке. Хорошо помню, как летним днем на улице

ВАШЕ ПИСЬМО

Горького. Он быстро вился на зарезали — лось что т что речь и мой актр трагический. Вз не безум лению к т мы все у ризму мол тер, но по сомнений. причастия хольд уж убийством тавшимся

К были разг трящее в возможно ности. Не пору. Уби возаконны государст оставать вать к с ваний, пр тельно сн малограм. Мейерхоль что с не сидела в ны Цвета гадки. Ст появилас как два т И опять я щина? кт В

ского зло го болота судьбу мо я перевод манистов, Константи лагерь. С мейской у езд, попа был вык он уверен ру его с Этот случ извешным не знаю ч в свою дн но она яв ся. След.

Винные казания допросы Доносы лование

Горького вблизи Моссовета я встретил Ю. К. Олешу. Он быстро шел и вдруг, не поздоровавшись, остановился на одно мгновение и сказал только два слова: «Здравствуйте». Я ничего не понял, очевидно случилось что-то чрезвычайное. Только потом я сообразил, что речь шла о зверском убийстве близкой его знакомой актрисы, за несколько лет до того сыгравшей трагическую роль в пьесе Олеси «Список благодарный». Вздрыгнувший, взволнованный Олеша с пугающе безумными глазами ушел уже далеко по направлению к Тверскому бульвару. Через несколько часов мы все узнали об убийстве Райх. Этому танкетеру молва пыталась придать чисто уголовный характер, но поверить тому было невозможно. Не вызвало сомнений, что к преступлению в Брюсовском переулке причастны какие-то влиятельные темные силы. Мейерхольд уже был арестован. Что же стояло за этим убийством? Ярость следователей, предостережение оставшимся на свободе?

Конечно, тайны, о которых я здесь упоминаю, были разного характера. Самоубийство Фадеева, потрясшее всех нас, — свободный выбор, — и нельзя и невозможно было его утаить даже при режиме секретности. Но объяснить его никто не смог и по сей пору. Убийство Михаила и Зинаиды Райх — противозаконные репрессивные действия, которые в правовом государстве требуют правдивого освещения и не могут оставаться безнаказанными. Я думаю, что апеллировать к срокам давности в этих случаях нет оснований, причем все следы преступления были так тщательно скрыты, что их единственная свидетельница, малограмотная пожилая женщина, служившая в семье Мейерхольда, попала на Лубянку, так и не понимая, что с ней случилось и в чем она виновата. Она сидела в одной камере с Алей Эфрон, дочерью Марины Цветаевой, так, видимо, и не разгадав этой загадки. Статья эта была уже давно написана, когда появилась серьезная публикация в «Огоньке» о том, как два головореза из НКВД расправились с Райх. И опять я спрашиваю: кому понадобилась эта уголовщина? кто направлял руки убийц?

Все описанное случилось во времена сталинского злодейства и хрущевского самоуправства.

Но вот что произошло во время брежневского болота, как будто не кровавого. Я имею в виду судьбу моего хорошего знакомого, талантливого поэта и переводчика, одного из образованнейших наших германистов, близкого друга знаменитого писателя Бёлля, Константина Богатырева, прошедшего через сталинские лагеря. Он жил в писательском доме на Красноармейской улице и однажды вечером, входя в свой подъезд, попал в смертельную ловушку. Свет на лестнице был выключен, лифтерши на месте не оказалось, он уверенно пошел на свой этаж, и у входа в квартиру его оглушили смертельным ударом по голове. Этот случай очень напоминал убийство Льва Троцкого наемным агентом в Мексике. Там был ледоруб, здесь — не знаю что. Обливаясь кровью, Костя успел позвонить в свою дверь и свалился у порога. Вызвали милицию, но она явилась без розыскных собак, как то полагается. Следствие велось формально, спустя рукава.

Богатырев, 1924

Приходили разные уполномоченные лица из соответствующих органов, не проявляя особого рвения и явно не доискиваясь сути происшествия.

У Богатырева началась агония, длившаяся несколько недель, и мы похоронили поэта на Перedelкинском кладбище. Что же такого он сделал? Какое он совершил преступление? Прошло несколько лет, в ФРГ вышла книга, посвященная его памяти, с участием крупных ученых, где его называли лучшим переводчиком поэзии Рильке и неустанным его пропагандистом. Вся эта трагическая история произошла в 70-х годах.

Все здесь сказанное — только вступление к моей теме: мученической смерти Мейерхольда.

Зимой 1988 года я лежал в больнице в ожидании полостной операции. Рядом со мной в палате ока-

силственных
мы встреча
Михоэлса
а. Он поехал
ым по пору
ия просмотра
стные властн
атрами сооб
ртвами авто
сторожности
не отстрона
ютом появи
было обла
ся в правдо

овезли в Ев
нинг. Актеры
иные минуты
т самый, ко
ело покойно
ное злодея
нает в своей
вор отца, по
ь ли в глубо
кументы, ка
и время их
ь много пуб
никто нам не
ть и с какой

в и насилия
наиды Райх,
совском пе
м на улице

залеся ученый инженер, прибывший в Москву из одной закавказской республики. Это был красивый человек, расхоженный людьми. За несколько дней до операции мы с ним подружались. Оперировали нас в один и тот же день. Его отвезли в реанимацию, а меня вернули в палату. На следующее утро в тяжелом состоянии моего соседа привели на прежнее место. Он держался бодро, шутил, ничем не показывая одолевших его недугов. Так было днем. Вечером сосед стало хуже, а ночью — совсем плохо. Он пытался скрыть свою боль, это ему не удавалось. Пока сознание брало верх над недугом он еще владел собой, но наступил момент, когда справиться он уже не мог, кричал во весь голос, как будто никого рядом не было. Нас в палате было трое. Третий заткнул уши ватой и накрыл голову подушкой. Я так поступить не мог, и время от времени вызывал медсестру для обезболивающего укола. Покоя хватало часа на полтора. Потом опять начинался крик, переходящий в вопли. И так тянулось почти две недели, с редкими паузами для сна. На что это было похоже? Я вспомнил «Историю инквизиции», которую когда-то читал, и старый роман Октава Мирбо «Сад пыток». Да, да, это была пытка, предложенная самой природой. Но зачем ссылаться на какие-то далекие источники, когда мы знаем о тысячеруких следователях-хватах, допрашивавших в бериевских застенках участников политических процессов 30-х годов и многих, многих других, в том числе Мейерхольда, над которым глумился и которого истязал садист палач. В те отчаянные ночи в больнице я понял свой долг: если судьба мне позволит — написать о гибели Всеволода Эмильевича.

В дом Мейерхольда меня ввел Мориз Миронович Шлуглейт, заметный человек в старом театре. Он получил юридическое образование в Киевском университете, но не чувствовал влечения к правовым наукам и окончил театральное училище. Казалось, он нашел свое место в жизни. Актер из него получился не выдающийся, но вполне серьезный. Когда же началась революция, Шлуглейт поверил в свое лидерство и стал инициатором и директором многих театров, преимущественно в провинции. Он не избегал экспериментов, и часто они ему удавались. Многие коллеги, вступившие на тот же путь, терпели крах за крахом. Его дело процветало. В сущности, иногда ему приходилось быть предпринимателем, но никогда он не был дельцом, искавшим в искусстве средство коммерции. Зная его достоинства, Мейерхольд предложил Моризу Мироновичу директорство в своем театре. Он-то и привел меня в дом к Всеволоду Эмильевичу. До того, по своим журналистским занятиям, я встречался с ним, несколько раз писал о его спектаклях в «Известиях». Я боялся этой встречи потому, что, высоко ценя его театр, откровенно отстаивал свою точку зрения. Мне казалось, что циркачество, акробатика, клоуны и физические упражнения на сцене принадлежат уже прошлому. Биомеханика — это открытие Мейерхольда — превосходный способ воспитания актера, но не может служить универсальным методом игры. Я спорил с теоретиком мейерхольдовской реформы профессо-

ром Гвоздевым, утверждавшим, что в школе Станиславского нарушено равновесие в пользу «души» за счет «тела», в силу чего у актера с утонченной душой оказывалось ослабленное тело с ослабленным, не организованным механизмом движений. В общем, тренируйтесь и остерегайтесь интроспекции! Я опасался, что разговор у нас не получится, но Мейерхольд рассмеялся и сказал, что время в книгах отстаёт от времени в театре. Беседа у нас все-таки состоялась. Он спросил меня: какого мнения я о Пер Гюнте? Я тогда занимался книгой о постановках Ибсена в России (ее отвергли как устаревшую по теме, как ненужный пережиток) и мог подробно ответить на вопрос Мейерхольда. Тогда же он спросил о понятии власти в исторических хрониках Шекспира.

Вопрос застал меня врасплох. Я сказал, что мне нужно подумать и посоветоваться со знающими людьми. Через несколько дней я пришел к нему и, ссылаясь на авторитеты, рассуждал примерно так: для Шекспира тема власти прочно связана с темой движения времени, а также смерти и прихотей судьбы. Вечно движущееся колесо фортуны возносит властелина вверх, но оно же и ниспровергает его. Все эфемерно, неустойчиво, непрочно, постоянно надо ждать перемен. Потому в хрониках Шекспира останавливаются на кризисных моментах английской истории, описывают не столько победы, сколько переломные события эпохи. Это восходящее к средневековью отношение сочетается с типичной ренессансной идеей поступательного движения Англии, идущей путем испытаний через хаос и смуту войн Алой и Белой Розы к могуществу елизаветинского государства, победившего Непобедимую Армаду. И такой путь связан с образом сильного и мудрого монарха. Его воплощает лишь один король Генрих V, но и он подвластен фортуне, а после его смерти на престол вступает слабый Генрих VI. Однако все же в целом движение истории готовит близкую к идеалу Елизавету, пророчества о которой содержатся в самой поздней хронике «Генрих VII». Предчувствие Шекспира заинтересовало Мейерхольда, и он сказал, что обязательно перечитает эту хронику.

Я не был так близко знаком с Мейерхольдом, как мой друг А. К. Гладков, который ходил за Всеволодом Эмильевичем с блокнотом, записывая все его слова, и потом излагал их точно с присущей ему образностью. Или как А. В. Февральский: разбудил его ночью, он ответил бы в каком году и в каком месяце Мейерхольд поставил «Шлюк и Яу», и знал, что это было в Херсоне, или «Хижину дяди Тома» в Товариществе новой драмы в Тифлисе. Память на даты и названия была у него фотографическая. Раз речь зашла о Февральском, мне хочется сказать несколько слов и о нем. Он не обладал богатой и сложной системой художественного видения, что полагается заслуженному искусствоведа. Но круг его филологических интересов был необычайно широк, докторскую диссертацию он писал о грузинском театре. Он знал испанскую литературу и одним из первых открыл для нас Гарсиа Лорку. Но в самом центре его интересов было творчество Маяковского и

Мейерхольда. По Мейерхольдский в своем и книги, как ча, и шедевр и числу кото

Я в него дома даг почему что они провине 30-х «Дамы с камви и драм. Встречи бы распределити. Нельзя сказа нальностью ближайших: ветил я уже. Вождь и ма власти, ее за кольников у чувствовать. А что произо: из самом де дится со ста тельно помн: этой сладости ко дров, что лений. В а: а у нас — то того, зангр: такое скоро: бы поставит: злободневны: эту лакейску: издании про: лейрана, и: ление какие: рвущиеся на

Я: серьезно, не: кацин. А вед: зить, что зла: рана не мо: Что же эт: Тоже непох: всей его вз: разумия. В: встречал мы: Какой вздо: читал после: кратизме, и: ская олигар: ства, которо: нравится на: искусстве не: обстановку: не выживеи

...такие же
 ...и
 ...не
 ...трени
 ...что
 ...расши
 ...от
 ...содержать
 ...Я
 ...в
 ...как
 ...на
 ...власти

Я считаю, что
я со значимыми
шел к нему и
примерно так
вятана с темой
прихотей судь-
бноности власти
огаеет его. Все
знато ждаты ре-
стававливаете
рии, описывает
события злоти-
ение сочетается
ельного движе-
рез хаос и смуту
ту Елизаветин
дмную Армаду
ного и мудрого
роль Генрих V.
смерти на пре-
все же в целом
деалу Елизаве-
самой поздней
Шекспира знате-
то обязательно

с Мейеркольт-
орый ходил за
записывая все
о с присущей
Февральский
каком году и в
Шлюк и Яу», и
«Хижину дяди
ифлисе. Память
фотографиче-
м, мне хочется
Он не обладал
твенного виде-
усствоведу. Но
ял необычайно
л о грузинском
у и одним из
у. Но в самом
Маяковского и

Медведевская и ее многочисленные родственники переехали в Финляндию. По общему мнению, именно тогда, в годы архивации Медведевских документов на территории бывшей деревни Феврава, в свой канцелярский кабинет влились документы, которые принадлежали таежникам Восточной Финляндии и которые были связаны со своими хозяйствами, в число которых принадлежали и

Я встречался с Мейерхольдом и в театре и у него дома. Кратайки записи наших встреч вел. не даю, почему то не указывал. Хорошо только помню, что они проходили главным образом в первой половине 30-х годов, во время репетиций и выпуска «Дамы с камелиями» и «Пяковой дамы» — драмы любви и драмы одиночества и несбытвшихся надежд. Встречи были не частые, но обстоятельные. Роли распределялись так, я задавал вопросы, он отвечал. Нельзя сказать, чтобы мои вопросы отличались оригинальностью. Однажды я спросил о репертуаре и его ближайших и дальних планах. Всенолод Эмилевич ответил, я уже говорил вам о шекспировских хрониках. Вождь и масса, лидер и толпа, механизм действия власти, ее захватывающих глубин и ее бремени. Раскатыников у Достоевского убивает старушку, чтобы почувствовать себя Наполеоном и вкусить его власть. А что произойдет, — размышляет Мейерхольд, — если он на самом деле станет Наполеоном, как он распорядится со старушками — всех прикончит или снисходительно помилует? Вкус у власти сладкий, и от избытка этой сладости можно захлебнуться или наломать столько дров, что разбираться потом будет несколько поколений. В античной литературе есть такие сюжеты, а у нас — только старомодная трилогия Алексея Толстого, замгнанная до дыр. Рассчитывать на то, что такое скоро появится, нельзя, надежды мало. Я хотел бы поставить такую пьесу без каких-либо намеков и злободневных ассоциаций. Я не люблю инсказаний, эту лакейскую дерзость. Я недавно в каком то старом издании прочитал мемуары умнейшего дипломата Талейрана, и они произвели на меня большое впечатление. Какие скрыты там захватывающие интриги и рвущиеся на поверхность страсти!

Я принял слова Мейерхольда совершенно серьезно, не замечая в них игры и даже мистификации. А ведь надо было нечможко подумать и сообразить, что злая мудрость неутомимого интригана Талейрана не могла вызвать у режиссера такой реакции. Что же это, как мы теперь говорим, аллюзии? Тоже непохоже, сомнительно. Ведь Мейерхольд, при всей его взрывчатости, не переступал границ благоразумия. В западной театральной литературе я не раз встречал мысли об антисталинизме в его постановках. Какой вздор! Он реальный человек своего времени, читал последние статьи Ленина о демократии и бюрократизме, и, разумеется, видел, как создается сталинская олигархия, как расшатываются устои того общества, которое было заложено в октябре 1917 года. Но нравится нам или не нравится — никакой фронды в его искусстве не было. Он хорошо понимал сложившуюся обстановку и то, что если не считаться с ней — не выживешь, и ничего задуманного даже в самом

Успехов и влиятельных знакомств. После выхода
пост. К. в. на сцену в театре «Современник» и
после переезда в СССР в 1937 г. он и его жена
были приняты в Союз писателей. А между тем сама
власть была не в восторге от его «Парламентариума».
Там тоже драма власти, но и оном в свете. Поэто-
му писал о нем в известной статье Керенский в 1947 го-
ду некое хвастливое аноним. На самом деле он по-
шел в русло времени по своему и как то прижился.
Один анекдот М. М. Шулутейт смысл передает мне
слова Мейерхольда, однажды замечавшего, что многие
беды его театра происходят от того, что у них нет
правительственной должности. Да, наконец, и шуточка ге-
ния. А если это был юмор, шуточка Мейерхольда,
в которую деловой и трезвым, таинный Шулутейт пря-
мо душо повернул? В самом деле, мог ли Всеволод
Эммулович, даже в минуты крайнего смирения и расте-
рянности, поддаться такому самознижению и предполо-
жить, что Сталин и его соратники возмущались бы
«Дамой с камелиями» с двумя бедными гонимыми и
животиньей в изгнании Мане, перенесенной на сцену
и оказали бы театру влиятельную поддержку.

Я задаю очередные вопросы: готов ли его актер, воспитанный на приемах биомеханики, сыграть мелодраму Дюма и как он относится к ругани Вишневого, упрескавшего его в измие идеем революционного искусства? Конечно, отвечает он, актерам надо настраиваться на другую волну, но это ведь закон творчества. Биомеханика не пошла им во вред, она намного укрепила их пластику и физическое развитие. На этот раз будет труднее, чем, скажем, в старом спектакле «Земля дыбом», где два грубо очерченных плана: первый — «враги пролетариата» — император, генерал, священник, соглашатели. И второй — «пролетарские персонажи», близкие к натуре. Для Дюма такой двухмерности мало, здесь — черное, там — белое. А что касается критики Вишневого, то я могу сослаться на воспоминания старого большевика Лядова, который когда-то был на спектакле «Дама с камелиями» вместе с Лениным и Крупской в Женеве и заметил из зала, как в глубине ложи Владимир Ильич смахнул слезу. Может быть, ради этой слезы Мейерхольд и поставил Дюма. А Вишневецкий пошумит и угомонится.

Пусть читатель мне простит, что я надолго отвлекусь от своей главной темы — страданий и гибели Мейерхольда — и расскажу о «Даме с камелиями». Ведь это уже древность, спектаклю 55 лет, и я принадлежу к немногим очевидцам, дожившим до наших дней, на чьих глазах он создавался. Я не пытаюсь восстановить спектакль сцена за сценой, да это и невозможно. Я предлагаю свои разрозненные впечатления о том, как «Дама с камелиями» задумывалась и какой я ее увидел. Я бывал на ее репетициях и наблюдал, как из неоформленных замыслов, из черновиков и набросков, из споров и разногласий мнений, в общем, из отвлеченностей и игры воображения рождается осязаемая реальность, рассчитанная с конструкторской точностью в мерах времени и пространства.

весь искра чело
костюм и блужда
завлекающей
мны воспринима
и стабильн
и тайну, обе
о пьесе. Вель
о прошлого
жившие до пер
сменица моего
шая Маргариту

«Даме с каме
импровизацион
Пришел, уви
Ему важны
твергал их с по
не от текущего
кна была исто
стями, ее идеи,
быт, даже се
тскую живопись

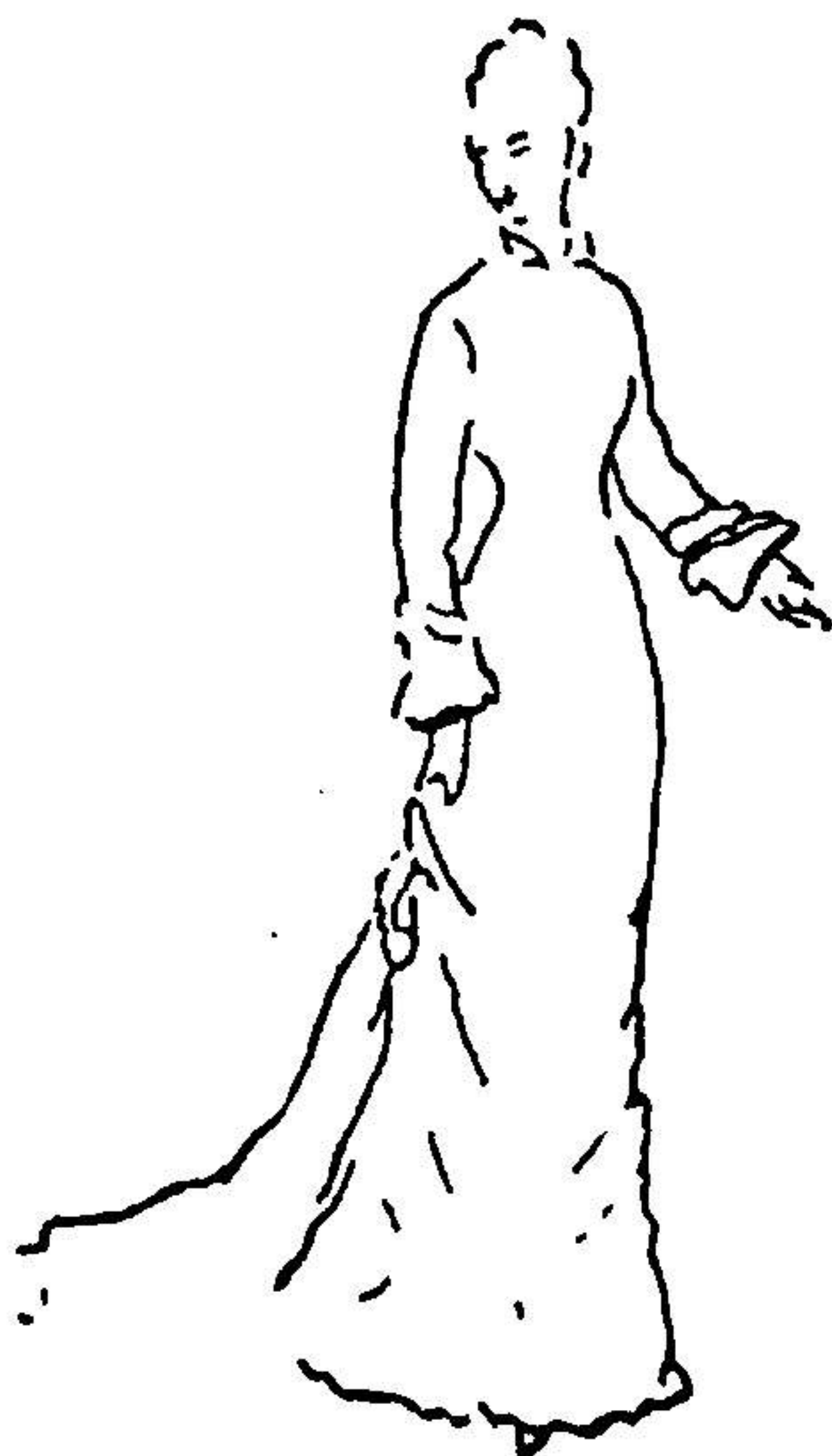
Но когда стал
собирал книги,
потратил долгие
его помощников,
чтобы вжиться
ровать. Так по
и все вместе.
актерность лиц,
ичесок, манеру
и многое дру
столь необходи
арточные игроки
и многолюд
ой выбор он в
ть» на Ренуаре,
позвал себе на
— говорил Мей
к-то в свобод
ого, он предло
темы картин
й в черном му
сных штанах и
что — старанье,
на красивую
ли обнаженную
ительно сошлись
это время при

Мейерхольд исполь
ре», — сталкивается
и уездная дикость.
То же в «Даме с
высшей парижской
шлость, задающая
на уровне Мав
европейского ме
и, в разном нацио
туре.

шел кто-то, видимо, изманный, и разговор оборвал
ся. Мне кажется, что грехи Мави дали тон мей
ерхольдской композиции, он перевел их на язык теат
ра. Мягкая гармония черных и белых цветов с втор
жением контрастных и резких, ломающих ритм этой
бесмятежности, дают беспокойный и даже тревожный
слоготок негласной мелодрамы. На сцене господ
ствует натура, все вещи, не бутафорские, а подлинные,
стоят на местах, стоят крепко. Вместе с тем вы чув
ствуете шаткость этого совсем не картонного домика.
Откуда только берутся предчувствия? Вы смотрите и ду
маете, что каждую минуту может оборваться призрач
ное существование этих беснующихся буржуа, хотя поч
ва под ними вовсе не колеблется.

Тема близости катастрофы, чаще всего музейю
обставленной, вечная для Мейерхольда еще со времен
«Дон Жуана» и «Маскарада».

И красота музыки в «Даме с камелиями», ак
компанирующей действию «Аккомпанирующей», пожа
луй, слово меточное, правдивейшее — слияющейся с тек

И. Лейстиков. Эскиз костюма Маргерит Готье.
«Дамы с камелиями», 1934

стом, дает ему простор и ориентировку. Музыка
было много, и она была рассчитана в долях ми
нут. Письмо Мейерхольда к композитору Шебалину о
«Даме с камелиями» я бы включил в хрестоматию для
молодых режиссеров. Что в нем было примечательно?
Во-первых, оно показывало, что тайна музыки ему была
открыта точно так, как и тайна живописи, и, может
быть, даже больше. Я помню его насмешливую
фразу, что режиссер без понимания и чувства музы
ки нужен театру так, как палач в больнице. И во
вторых, что его программа, изложенная Шебалину,
была насквозь конкретной (речь идет пока о первом

акте). Начинает он с Маргариты и ее характером
своей исключительности, своим миром, своим
нуждой упряжке и она с камелием в руке, удержива
ющая их движением. Каким же образом быть вальс
в этой сцене, чтобы как то передать, чтобы и не
ность быстрая и куртизанки? Не повеселит ли
даже наивный (Вебер-Глинка), а строгий, хро
нометрический стремительный (какой то вариант Иоганн
Штрауса). Не забывайте, что «Афелева башня» уже на
сится над Парижем и Мопассан бежит от нее, как от
символа ненавистного ему урбанизма. Вокруг торг,
распродажа, массовый упадок нравов («разврат аляпо
ный врастает в разврат вселенский»). Сперва юроткое
необходимое отступление, прелюдия, а потом речью
дет о каждом музыкальном намеренном номере. Тема
Армана, пока еще лирическая у этого сладкожизни,
готового увлекаться до безопасной черты, потом стано
вится раздраженно цинической. Фривольная песенка
Прюданс. Шумовой оркестр. Карнавал в финале.

А во втором письме Шебалину (теперь о чет
вертом акте) интересен хронометраж, то есть подсчет
времени. Мелькают инфры и тут же указывают хро
ны для музыки, как правило, очень короткие. Пер
вый вальс — одна минута пятьдесят секунд, второй
вальс — несколько подольше — две минуты пятьдесят
секунд. Приводится даже таблица чередования так
тов в музыке перед началом действия, то есть,
как пойдет занавес — мажор, минор, мажор. Музыка
служит фоном для сцены картонной игры. Шальная
мазурка дает ритм для отплясывания. Вальс нервный,
порывистый сменяется вальсом нежно-лирическим.
Есть музыка и десерту, «для ужинающих», есть и му
зыка для финала, когда «все вздыбилось». Один
шаг от грациозности и беззаботной кутерьмы до трагиче
ской развязки. Это музыка — не иллюстративная и не
комментирующая, эта музыка раздвигает пространство
старой пьесы, дает ей «второй план» — по мхатов
ской терминологии. Примерно так и говорит Мей
ерхольд: «...под почвой этой музыки бьется что-то
лирическое. Ох, как выразительно музыка говорит».
Так оно и было в спектакле. Шебалин написал очень
хорошую музыку — канкан с прорывом в отчаяние и
смерть. Красота музыки была вторым условием успе
ха этого спектакля.

Но для красоты тогда не ставили спек
такли. Никто бы не позволил! Нужна была какая-либо
воспитательная, классовая, отвечающая социальному
заказу текущего дня, идеологическая задача. Мей
ерхольд легко находил такие спасительные мотивы.
И он напечатал в «Известиях» заметку (1934,
18 марта), предваряющую премьеру «Дамы с камели
ями». Она называлась «Спектакль о судьбе женщины».
Смысл же анонсной заметки заключался в том,
что театр задумал показать цикл пьес о тяготах
работающих женщин в капиталистическом обществе.
На свои мизерные заработки прожить швеям, прачкам,
служанкам невозможно, и стесненность обстоятельств
гонит их на панель. При этом был упомянут Бебель
и его популярная тогда книга «Женщина и социализм».
Имя этого выдающегося деятеля немецкой социал-де

мократии, о котором высоко отзывались Маркс и Ленин, мне кажется, упоминается здесь всуе. Бебель писал о трагедии целого социального слоя трудового населения. А Дюма писал об особом мире парижских куртизанок, самих избравших свой удел, впрочем, не от легкой жизни. Бедная Маргарита Готье поднялась на поверхность и затем была низвергнута: закон общественного неравенства тот же, что у Бебеля, но среда совершенно специфическая. К тому же в этой истории есть еще одна существенная особенность. Маргарита Готье, несмотря на неприглядность ее профессии, женщина любящая, что резко выделяет ее в этой среде, она не просто падшая душа, она живая душа, растоптанная сапогом Дювала, что уже выходит за пределы бебелевской социологии.

Конечно, сильный давит слабого, незащищенного, униженного. Но это не только, так сказать, имущественная драма. Наступает драма человеческая, которая удалась Зинанде Райх, актрисе не очень счастливой судьбы. Ее преследовала злоязычная критика, сопровождая свои оговоры разными недостойными намеками. Она сама не очень была уверена в силе своего призвания и недаром обращалась к Станиславскому с просьбой дать оценку ее игре. Счастье, чтобы оно не казалось глупым и самонадеянным, трудно играть в театре. Трудное счастье Маргариты Готье было хрупким и кратковременным, но как она верила в него в недолгие минуты, которые ей доставались, и умирала не столько от чахотки, которая ее доканывает, сколько от сердечного потрясения, низости обмана и поруганной любви.

В большом томе, посвященном творческому наследию Мейерхольда, вышедшем в 1978 году в издательстве ВТО, напечатано вступительное слово режиссера перед спектаклем «Дама с камелиями» 7 сентября 1934 года. В нем он говорит, что его театр, рожденный революцией, прошел долгий путь от спектаклей-митингов до спектаклей, «построенных на тончайших нюансах». Понятие редкое в лексиконе Мейерхольда. Но менялось время и менялась эстетика режиссера. Нет сомнений, что он был у нас самым идеологичным режиссером, строже всех других оберегавшим классовое начало в искусстве. Может быть, это была своеобразная реакция на увлечения его молодости. А может быть — голос времени с его вторгающейся во все сферы жизни политикой? Но он был великий художник и, при всех болезнях левизны в годы «Театрального Октября», в конечном счете не мог согласиться с тем, чтобы его театр стал всего только средством информации и сиюминутного отклика. Есть еще темы вечные, всечеловеческие. Злоба дня меняется, непреходящее остается. Он задавал себе вопрос — разве его «Дон Жуан», его «Маскарад», его «Ревизор» не разговаривают с будущим? Разве время их прошло вместе с листками отрывного календаря? И разве та же самая «Дама с камелиями» осталась где-то на задворках истории?

И еще один сюжет, мимо которого пройти мне трудно. Надо было так случиться, что, в начале репетиций «Дамы с камелиями» редакция, в которой я рабо-

тал, предложила мне и еще двум товарищам поехать на юг Украины, где был тогда голод, косивший целые уезды и губернии. Мы удивились, потому что газеты об этом не писали, но нам не без иронии сказали, что это великая традиция русской литературы со времен Толстого и Короленко — ездить в голодные места. Наши редакторы не подозревали, куда они нас посылали. Ничего более страшного ни до того, ни после того, я не видел. Война! Но у нее были свои законы и свой быт. У войны — страдание, мужество, кровь, пот, работа — это живое отстаивает живое, бесконечное движение, редко умолкающий шум борьбы. А в украинских деревнях — остановившееся время и удушающий запах трупного разложения. И морг, вынесенный на уснувшую израненную природу. И пугающая тишина и обезумевшие кошки. Вымершие селения с неубранными трупами, облысевшие дети, потерявшие дар речи молодые люди, в некоторых деревнях не было почему-то и воды и это особенно мучило полуживых людей. Мы видели обезумевших от голода и питавшихся корой и прошлогодними объедками доходяг. У нас в машине был какой-то малый запас еды, мы сразу его отдали и тоже жили впроголодь. Нас позвали на допрос людоедов. Один цыган отвечал вразумительно, другой местный житель дошел до животного состояния и мычал что-то невнятное. Я вернулся в Москву. Конечно, ничего написать о том, что мы видели, было невозможно. Кто стал бы печатать такое? Я рассказал Мейерхольду о своих впечатлениях. Он растерялся, что с ним случилось крайне редко. Тогда я расхрабрился и сказал, что не раз читал, будто красота спасет мир. Где же эта красота? Мейерхольд, теперь уже овладевший собой, ответил: «Ее еще не открыли». Помолчав немного, он добавил: «От голода не спасет, а от дикости, скотства и пошлости может спасти».

Настроение в театре было тогда спокойное, шли репетиции, ездили на гастроли. Я редко вспоминаю слова Феликса Кона, у которого работал, — человека увлекающегося, бурно эмоционального и очень строгого в своих политических суждениях. Несколько ранее мы были вместе на «Свадьбе Кречинского» у Мейерхольда, и он тихо, как бы про себя, сказал: «Жаль Мейерхольда, такой талант, а у него могут быть серьезные неприятности, ведь у него были какие-то отношения с Троцким». И сразу, как бы опомнившись, внушительно произнес: «Молодой человек, вы этого не слышали, хотя никакой тайны здесь нет — все театральные кумушки знают, что такое было, а кумушки народ вредный, им бы только втоптать человека в грязь, а если можно, и придушить». Я был ошеломлен этими словами, хотя хорошо знал историю Театра Мейерхольда, но никогда не задумывался, кому он посвящал свои спектакли. Теперь такой криминал был очевиден.

Обстановка в стране была напряженная. Пишу по памяти, не обращаясь к источникам. В Харькове судили грузинских меньшевиков. Все они были профессиональными политиками с большим стажем, люди, по счету того времени, закоснелые в своем социал-демократическом отступничестве, по данным суда связанные с многими разведками. Процесс строился по принципу

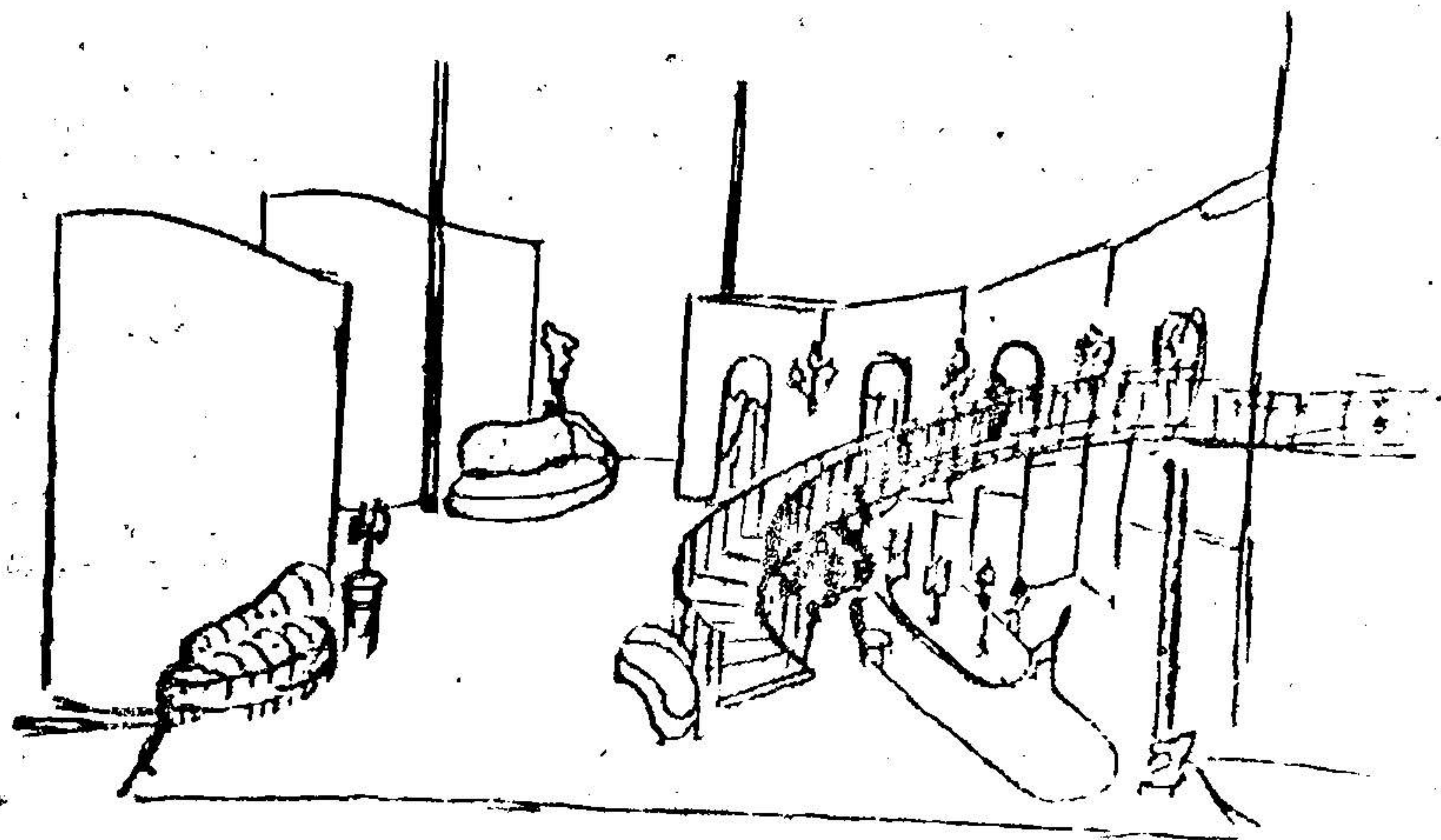
«замальгами» и запугивания профессора в нашей стране. Это одобряли почти у нас проходившие и принимавшие оговорки («шахтинское» они принадлежали к угольной). Их обвиняли в рода диверсионных. Прошлые «замальгами» рвань и подонки («дело Промысловской» вл. безгиз кадета правительство намечают Е. (Сталин называл марксистов) I (СВУ). На эт. корреспондент проходила глаголом уклона и какой-то не вие социал-демо. свою вину П. тельная. Это

тогда спокойное. Я редко вспоминала ботал, — человека о и очень строгого сколько ранее мы о» у Мейерхоль о себя, сказал у него могут быть ли какие-то отно бы опомнившись овек, вы этого не т — все театраль а кумушки народ ка в грязь, а если млен этими сло атра Мейерхоль и посвящал свои л очевиден.

ряженная Пишу В Харькове суди были профессио ем, люди, по сче социал-демокра да связанные со ся по принципу

тия, совершаемые в моих замках. Конечно, это не
литургический процесс, но это тоже замки, и я
никогда не считал личными отношениями с этими
Я назвал только одну из многих жертв этой Систе-
го Террора: украинский язык, искусство, культура.
«Арахиела ГУЛАГ» (назиди палати терору). А в те
атре продолжалась жизнь по заветному и ничего
дурного не происходило.

Примерно в то же время мой добрый знако-
мый, молодой режиссер из иейерпольдовской труппы
Л. Варпаховский пригласил к себе несколько коллег,
чтобы отметить какую-то дату. Он жил в одном из переул-
ков, примыкающих к Театру Революции (теперь
Театр имени Вл. Маяковского), в небольшом старом
доме в глубине двора. Мы вошли в просторную пря-
моугольную комнату. Освещение в ней было непривыч-
ное для домашней обстановки. В углу, под самым потол-
ком, висел небольшой прожектор, это, очевидно, отве-
чало вкусам тогдашнего дизайна (такого стиля мы тог-
да еще не знали). Посередине комнаты стоял богатый
сервированный стол и домыслился от необходимости, что было
редкостью для карточного или послекарточного вре-
мени. Мы только расселись и стали закусывать, как
через распахнутое окно — был тихий летний вечер —
влетела огромная дохлая крыса и попала в большое
блюдо в центре стола. Мы распорядились, выскочили
из-за стола и больше к нему не подходили. Что де-
лать дальше — никто не знал, и гости медленно разош-
лись. Варпаховский не был суеврым человеком,
но в этой непристойно оскорбительной выходке какого-
то мерзавца почувствовал знак неминуемой беды. Так
оно и случилось. Сроков теперь не помню, но

И. Лейстиков. Эскиз декорации к спектаклю
«Лама с камелиями» А. Дюма (четвертый акт), 1934

и жорю арестовали его жену, талантливую пианистку, как японского шпиона. А затем наступил его час. Наца свист надвигался, оборвалась, и только и хрустевские времена он вернулся в Москву и впоследствии стал известным режиссером. Он рассказал мне о своем крестном пути, заметил, что на допросах от него требовали показаний, касающихся связей Мейерхольда с Троцким и обещали, если он будет достаточно откровенен, смягчить его участь. Но ему нечего было сказать, потому что начальный период Театра Мейерхольда был ему неведом.

Я не понимаю, почему следователи искали улики на стороне. Достаточно было взглянуть в газеты и многочисленные театральные журналы начала 20-х годов, чтобы добыть необходимые им сведения. Так мы и поступим.

1923 год, 2 апреля. Юбилей Мейерхольда празднуется в Большом театре. Журнал «ЛЕФ» поздравляет Всеволода Эмильевича как своего единомышленника. Случилось нечто неслыханное, освященный традицией главный театр России, хранилище его аристократически-дворянской и купеческой культуры, переходит в руки знаменосца революции. Идет перестановка — прошлое на слом, новое выдвигается вперед. В развязно глумливой заметке в «ЛЕФе» формулируется это так: «Пожалуй, это больше походило на дерзкий абордаж искусства старой шаланды Большого театра отрядом революционных партизан искусства. Сарынь на кичку». В таком остервенении есть одна словесная неточность. Какая же здесь шаланда! Большой театр — это не рыбацкое суденышко, а даже по логике хулигателей — храм для избранных, некая музейная зона, которую шумные реформаторы подвергают травле и обрекают на разорение. Еще одна небезынтересная частности. Молодой турок, поэт Назым Хикмет, живший тогда в России, прилепал к крайним левым и так писал:

*Большой театр —
великолепный элеватор для ржи,
гардероб отдать Гуму,
шелк декораций —
на юбки крестьянским девушкам!*

Юбилей Мейерхольда — праздник для неустойчивых новаторов, повод для гонения на старое искусство. Но мы пока коснулись внешней рамы торжества, четко обозначившего громкость признания и ропот, правда, приглушенный, едва слышный среди инакомыслящих. Самой церемонии, ее распорядка мы еще не коснулись. Здесь нам на помощь приходит журнал «Зрелища», где описаны все подробности. На сцене «огромная группа делегатов», — в центре Мейерхольд, по правую от него сторону — его ученики. Вечер открывает О. Д. Каменева. Начинается чествование. Представитель Наркомпроса объявляет, что Совнарком наградил Мейерхольда почетным званием Народного артиста республики. И много-много приветствий от разных учреждений и лиц. Среди них и такое: «Шлет свой привет Троцкий. Красная Армия... от имени четырех родов войск (пехота, кавалерия, артиллерия и авиация) вручает Мейерхольду Красное знамя победы».

Далее бесстрашная хроника свидетельствует, были еще такие строчки: «Прощу товарища, который будет приветствовать от имени Революционного и Красной Армии Мейерхольда, пригласить также сердечный привет от меня». Таковы факты. Если это так, то затем следователям надо было добывать сведения у Варяжского и других заключенных и свидетелей?

В том же номере «Зрелища» (1923, № 31—32) печатается сводная афиша спектаклей московских театров. Среди них числится и мейерхольдовская «Земля дыбом» с эпиграфом-предупреждением: «Красной Армии и первому красноармейцу РСФСР Льву Троцкому посвящает работу свою Всеволод Мейерхольд». В свете последующих событий этот обмен приветствиями выглядит самым угрожающим образом. Но тогда Мейерхольд не видел в нем ничего предосудительного. Он отдавал дань воинскому искусству наркома. Никаких отступлений от принятых традиций, остракизму Троцкий еще не подвергнут. Вот тому непрерывающее свидетельство.

В 1924 году умирает Ленин. И Горький пишет о нем воспоминания, впервые опубликованные в ленинградском журнале «Русский современник». Это драгоценный исторический документ (больше в таком виде не появлявшийся в печати), и среди многих записей разговоров с Владимиром Ильичем там есть такая: речь идет об отношениях Ленина со своими товарищами по руководству партией и страной. Об этом ходит много слухов и небылиц. Ленин говорит: «Врут много и, кажется, особенно много врут обо мне и Троцком». Ударив рукой по столу, он сказал: «А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас все есть! И чудеса будут!»¹ (с. 243). Если так говорил Ленин, то можно ли считать преступной всю эту историю с юбилеем и посвящением спектакля? Но наступит время, когда позмездие придет, и неотвратимо. Пока же вокруг театра все тихо, никаких эксцессов. Мейерхольд выпускает один спектакль за другим, и среди них такие шедевры, как «Ревизор». Меж тем борьба с троцкизмом обостряется — это не просто оппозиция или фракция; теперь речь идет об антигосударственной подрывной деятельности. Мейерхольд не может этого не знать и, возможно, иногда просыпается в холодном поту, вспоминая, что за ним тянется такой хвост. Не похоже, он бодр, энергичен, спорит, изобретает, защищает свою позицию и напряженно работает.

В 1929 году Б. Билль-Белоцерковский, автор известного «Шторма», напишет Сталину о растущей идеологической борьбе в искусстве и о том, что явно намечалось расслоение на правых и левых, что, как ему кажется, заслуживает внимания. Через какое-то время Сталин ему ответит и отвергнет идею правых и левых в искусстве, как пустую и ненужную. Попутно он коснется

¹ В предисловии Р. Медведева к отрывку из книги И. Дойчера «Пророк в изгнании» («Иностранная литература», 1989, № 3) приводится эта цитата в урезанном виде. Пропущены слова В. И. Ленина, записанные М. Горьким о роли Троцкого как организатора Красной Армии.

положения в Большом театре (они назывались «голо-ваноподобия»), литературной гонимости Булгакова и обру- шении на театр Таркова «Вспомните «Византизм» (жур- нал), «Сатира равнина» и тому подобную макулату- ру, которую репертуар охотно пропускает в репертуар «действительно буржуазного Камерного театра». О Мейерхольде в этом письме нет ни слова. Но вот архивист, глубокий знаток творчества Мейерхольда, М. М. Гитковская обнаруживает в архиве писателя В. Ставского как бы продолжение этого письма Ставского писателям коммунистам из РАППа «На- счет Мейерхольда он (Билль Белоцерковский) более или менее не прав, — не потому, что М. коммунист (мало ли среди коммунистов людей «непутевых»), а потому, что он, т. е. М., как деятель театра, несмотр- я на некоторые отрицательные черты (кривляние, выверты, неожиданные и вредные скачки от живой жиз- ни в сторону «классического» прошлого) несомненно связан с нашей советской общественностью, конечно, не может быть причислен к разряду «чужих».

Слово это, чужой, вскоре повторится, но уже без кавычек в названии статьи П. Керженцева «Чу- жой театр» в «Правде» в 1937 году, что будет озна- чать разгром мейерхольдовского детища.

Сталин не влюбил Мейерхольда с первых лет революции. Может быть, это связано с той шумихой вокруг его театральных реформ, которую подняли ли- тераторы левых убеждений. Они называли его Колум- бом, Савонаролой, возжигателем костров, человеком века — а век ведь только начинался. Особенно превозно- сили его в период «театрального Октября». В спе- циальных изданиях он уже именовался вождем нового театра. Сталина это раздражало. Он считал, что вождь у нас один — Ленин, потом будет другой, — кому выпа- дет этот жребий, Сталин не сомневался, он был уве- рен в своей миссии. При чем же тут Мейерхольд? Со словами надо обращаться осторожно. Зачем это са- мозванство? Кого-то, значит, это тешит... Таким образом Мейерхольда врезается в цепкую память Стали- на, и навсегда.

Что он знает о нем, бывал ли он на его спектаклях, или ему достаточно было впечатлений доверенных лиц? Вчерашний символист, полуфутурист с неясно выраженным социальным чувством, этот ре- жиссер рано перешел на сторону революции, вступил в партию и теперь числится в ее авангарде. Стоило бы поставить его на место, но без сомнений за него заступятся Бухарин, Луначарский и другие добродетели. Мейерхольд явно принадлежит к западникам, посмотри- те его репертуар, — без Метерлинка и Верхарна он и шагу не ступит. Сталин с недоверием относится ко всему западному, ему не нравились даже те старые боль- шевники, которые были в окружении Ленина в эмигра- ции, и в свое время он их не пощадит. Правда, теперь Мейерхольд ведет себя без былого зазнайства и если поддается искушению политики, то касается только литературно-театральных тем. Какой странный фено- мен! Может быть, в пылу борьбы за ленинское наслед-

ство (год 1923) он просмотрел по мере сил свои лич- ности Мейерхольда и в семье диссидентов и в семье, в которой проходил его юбилей. В это трудно поверить, но другого объяснения нет. Завсегда эта дата Мейер- хольду возможно было заняться творчеством — воспомине- ту индустрии, которую ему дал Сталин в письме писателям коммунистам.

Мейерхольд действительно работает на рубеже 20-30 годов и выпускает каждый год одну премьеру, а иногда и две. Но времени они распыляются так: 1930 год — «Баня» Маяковского, 1931 год — «Послед- ний решительный» Вишневского и тогда же «Писем- благоденний» Олеси, 1933 год — «Вступление» инсце- нировка романа молодого писателя Ю. Германа. Эти спектакли не заслужили мировой славы, но укрепили его репутацию мастера.

Он очень увлекся Вишневским, предсказывая ему большое будущее и говорил, что тенденциозность, если найти для нее необходимую форму, можно выра- зить на языке эстетики. Не новая мысль, но в этом случае хорошо аргументированная. Как играть Вишне- вского? «Просто, просто, просто» — и тогда он попытает- ся найти для него пластику театра Кабуки. Пьеса

Вс. Мейерхольд. Рисунок Н. Ульянова

1. И. Сталин. Собрание сочинений, т. IX, с. 329.

2. Театр № 1

Олени была слабенкая, публицистическая в традиционном смысле. Написанная для Райх, она не принесла ей удачи, и актриса не поднялась над романтической риторикой автора. Очень хорошо играл С. Мартинсон эмигранта, «потерянного человека», чья жизнь сложилась катастрофически неудачно: он ни разу «не видел звездного неба и у него не было невесты». (Очень характерная для Олени метафора. Истинность у Мартинсона была захватывающе искренней.) У «Свадьбы Кречинского» два лидера — Юрьев Кречинский и Ильинский — Расплюев. Этих двух можно было показывать в концертах. Самым интересным было для меня «Вступление», как по игре Свердлина, так и по графике мизансцен. Тут впервые вошла звезда этого актера, которого в театре очень долго держали на вторых ролях. И так, дай Мейерхольду простор, и он себя покажет. Эти годы покоя и творчества проходят, и Мейерхольд еще на шаг приближается к беде.

Беда подкрадывается неожиданно. Началась партийная чистка 1933 года. Все теперь подсчитано: кто и когда был связан с Троцким, — и все попало на «картотеку», как тогда говорились.

Сталин, при его маниакальном подозрительном интересе к такого рода сюжетам, обязательно бы знал подноготную известного всей стране Мейерхольда, к тому же лично ему несимпатичного. Ему бы обязательно об этом доложили, не могли не доложить. Но он почему-то не торопился с санкциями. Существует большая «подвальная» статья под названием «Мейерхольд на чистке», помещенная в «Советском искусстве» в ноябре 1933 года. Нам необходимо с ней познакомиться.

Его выступление на чистке было больше похоже на лекцию, чем на исповедь. Коротко упомянув о своей биографии, он рассказал, как в дореволюционные годы менялись его увлечения: сперва он был склонен к символизму, и его любимыми драматургами были Метерлинк и Гауптман. Впоследствии на смену пришел театральный традиционализм, и он старательно изучал приемы комедии масок и эстетику старого театра Запада и Востока. Некоторый итог его тогдашним опытам подвела «Книга о театре», вышедшая в начале 10-х годов, к сожалению, затуманенная декадентской терминологией. И это он впоследствии понял. Он бывал на знаменитых «средах» Вячеслава Иванова и теперь, как пишет газета, энергично ополчается против попыток некоторых своих критиков (например, Алперса) вывести его художественную родословную целиком из атмосферы «загнивающего Петербурга», указывая на крайне дифференцированный состав участников «сред» — от Бердяева до Горького и Луначарского. Он еще ссылается на бурную уже тогда общественную жизнь актерства. После МХАТ молодой Мейерхольд много ездил с собранной им труппой по России, и это стало для него своеобразной школой демократии. Его развитие происходило неравномерно; еще в пензенской юности он встречался с политическими ссыльными, отбывавшими там свой срок, и это тоже не прошло для него зря. Большим событием в его жизни был также арест белыми властями в Ново-

росийске за смутьянство не только в искусстве, но и во всем устройстве русской жизни. Его удалось тогда спасти. И он окончательно понимает — мысль эта преследует его давно — ущербность и изжитость того узкого мирка, к которому принадлежит. Свой приход в партию он объясняет «не классическим шатанием обывателя», а потребностью, обусловленной всем ходом его духовного развития.

Далее Мейерхольд подробно говорит о биомеханике, это его открытие — он не придает ему всеобщего значения. Это «не теоретическая догма, а кодекс технологических законов, основанных на материалистическом изучении актерского творчества». Слово «материалистическое», дается как бы курсивом, потому что у классиков из Художественного театра другая, неприемлемая для революционного театра система — виталистическая. Термин тогда модный, он означает, что в основе поведения человека есть и какая-то нематериальная субстанция, например, душа, обязательно взята в кавычки. Мне прискорбно, но надо признать, что Мейерхольд тогда остерегался говорить о душе, как о неоспоримой реальности. Таковы горькие плоды усилий философов, вульгаризаторов и упростиелей, по государственному заказу топтавших идеализм и растоптавших душу, как нечто старомодное и рассчитанное на чувствительных бабушек. Мейерхольд соблазнился этот вздор. Видимо, у каждой эпохи есть свои вредные предрассудки. Но мы уклонились от своей темы. Биомеханика, как ее ни толкуй, помогла Мейерхольду воспитать целую плеяду выдающихся актеров, среди них, например, Бабанову — она ценила уроки биомеханики.

Наконец Мейерхольд переходит к репертуару своего театра. Перечитываю теперь, спустя 55 лет, репортерский отчет и огорчаюсь: там нет никаких следов того разговора, о котором я писал несколько ранее в этих заметках — о теме сильной личности и безответной толпы, ничего об управлении и управляемых. Да и наввно думать, что такое было возможно в то время. Одно дело — мейерхольдовские мечты и притязания, его утопия, и другое — неумолимость ситуации (чистка 1933 года). Он не упоминает даже исторических хроник Шекспира и «Бориса Годунова». Он называет нечто нейтральное и пресное: трилогия о женской судьбе (пьеса Дюма уже обдумана во всех частностях); есть еще «темная лошадка» — драма Волькенштейна о Вере Засулич, какой-то аноним готовит сочинение о современной советской женщине. И еще, в дополнение: пьеса вполне респектабельного поляка, Бруно Ясенского, которого вскоре посадят. И в том же ряду инсценировка романа о Китае французского писателя, доброго знакомого Мейерхольда, почему-то редко у нас переводившегося Андре Мальро. Согласитесь, все это достаточно пестро, расплывчато и несолидно. Члены комиссии по чистке, конечно, это заметили, и все обсуждение пойдет по одному руслу — театр ушел от современности и потерял лидирующее положение. Член комиссии по чистке Б. Билль-Белоцерковский, к творчеству которого Мейерхольд относился совершенно равнодушно, берет слово: он утверждает: театр рас-

рхия и не эстетический, а политический. Мейерхольд, в сущности, не понимая того времени, да «вернуть» и «шпиль» спектакль и некоторые «объективные» от дового театра» вина, это его Киришона, Роман, дойти, их плох, реализм ставил.

Председатель. Он тоже получил. Но в Председатель г. Мейерхольда не дискуссия, настоящим, мы ждем от М. к тематике соци. стка завершила прошлое Мейерхольда. мог знать пред опасаться надо.

По моему Мейерхольда бы тайного надзора второй половине ную слежку. Де. вание, сочинен. последнего эпизода, видимо, вата то, что ей з. что черная тен. приятно. Но та. обществе в те. он встречается. Он на перекрест. ловой, с полит. он еще по-насто. во угадать что. ный человек, но. кабинетах к нем. нарком просвещ. такое Бубнов п. (где и при како. нас тайной) он. ным, без жив. «Ну что, Мейер. те?», то есть. Удивить мир, ле. чительное, но. менее какой-то. которую отмен. коллеги) остае. него взгляда и.

У меня. тель печатных. М. М. Ситковен. (Вот и все, что)

[illegible]

ворит о бытове
стому всеоб
я дома, а ко
их на матери
чества. Сильн
ривом, потому
театра другим
тра системы
А. он означа
ть и всякая то
душа, обяза
о, но надо при
ся говорить о
Таковы горькие
сторон и упро
оптивших идеа
то старочудне
шек Мейерхоль
каждой эпохи
и уклонились от
толкуй, помога
выдающихся ак
у — она ценила

ит к репертуару спустя 55 лет, и никаких следов несколько разности и безот- н управляемых, возможно в то мечты и притяза- мость ситуации даже историче- нова». Он назы- тогия о женской во всех частно- драма Волькен- им готовит сочи- не И еще, в до- го поляка, Бруно и в том же ряду зского писателя, ну-то редко у нас писателем, все это неосolidно. Члены иди, и все обсуж- р ушел от совре- жение. Член ко- овский, к творче- совершенно рав- лет: театр расте-

ражая и не шлет, как если было для него Гоголь
самозабывший и мимолетный, известный кулуарный де-
таль того времени. В Мадрид приходит Мейерхольд
из Испании и боевым познанием и создатель «Бель-
дей» спектакль о коммунистической партии. Неодол-
но и некоторые актеры. А сам Мейерхольд приходит
обширнейшее отставание от жизни его когда то пере-
двое театра» (Скажем от себя разве в том была его
вина — это его беда. Он просто не мог ставить пьесы
Киршиона, Ромашова и других. Он не знал, как к ним по-
дойти на плечик ползучий, готовый ко всем услугам
реализм ставил его в тупик.)

Председатель комиссии по чистке подводит итог. Он тоже считает, в театре не вышло благополучно. Но ведь идет чистка самого Мейерхольда. Председатель говорит о нем: «Что же касается лично Мейерхольда, то, не сомневаясь в его прошлом, не дискутируя (так в оригинале — Прим ред.) о его настоящем, мы несколько опасаемся за его будущее. Мы ждем от Мейерхольда решительного обращения к тематике социалистического строительства». Итак, чистка завершилась благополучно и не бросила тени на прошлое Мейерхольда, хотя теперь мы знаем то, чего не мог знать председатель комиссии и все таки сказал: *опасаться надо за будущее Мейерхольда.*

По моим впечатлениям год партийной чистки Мейерхольда был переломным в его судьбе. Органы тайного надзора начали подлидывать за ним еще во второй половине 20-х годов, но теперь они ведут неусыпную слежку. Дело Мейерхольда выдуманное, сфабрикованное, сочиненное и плохо сочиненное с первого до последнего эпизода, но какие то имена и даты там приводятся, видимо, не без помощи агентуры, которая готовила то, что ей заказывали. Мейерхольд не мог не знать, что черная тень следует за ним по пятам. Это неприятно. Но таковы условия существования в нашем обществе в те годы. У него широкий круг знакомств, он встречается с иностранцами, гостями, и учениками. Он на перекрестке сталкивающихся мнений. Но об уголовной, с политической окраской, вменяемой ему вине, он еще по настоящему не догадывается. Что-то гнетет, но угадать что именно, пока нельзя. Он еще свободный человек, но ему известно, что в некоторых высоких кабинетах к нему относятся неприязненно. Тогдашний нарком просвещения Бубнов его поддерживает. Но что такое Бубнов по сравнению со Сталиным? В те годы (где и при каких обстоятельствах — это остается для нас тайной) он встречается с Молотовым, и тот ледяным, без живых оттенков голосом сказал ему: «Ну что, Мейерхольд, вы по-прежнему оригинальничаете?», то есть не хотите жить, как все, пытаетесь удивить мир, лезете в лидерство. Замечание многозначительное, но элемента политики в нем нет. Тем не менее какой-то холодок у него в душе (в той самой душе, которую отменяет академик Митин и его угодливые коллеги) остается, что он тщательно скрывает от внешнего взгляда и от самого себя.

У меня сохранился библиографический указатель печатных работ Мейерхольда, подготовленный М. М. Ситковской и В. П. Коршуновой (1974). Это перечень всех его публикаций, начиная с первой в 1902 го-

пу дн 1943) в неформальной обстановке. В то время
Александром Ивановичем Гусевым. При этом в разговоре
являлись и другие лица, в том числе Александров, Гусев
и другие. В то время Гусевым было сказано, что он
наступлении и размышлении, что он был в то время
его интересов и его интересов в то время, а также
художник с своим творческим отношением.

Гос. ПМ у комсомольцев это первая про-
читанная и коллективная работа о том, как они могут
бы видеть свой театр

«Дни Жульн» — комментарий и в обновленной и решительно обновленной им старой публикации: новые ровской пьесы в Ленинграде

Серьезная и программная статья «Путь Иосифа Ильинского и проблема амплуды» все долго потом будут обсуждать в театральных кругах.

И другая, тоже программная, статья, где совмещаются теория и практика актерского дела. «Идеология и технология в театре» Это изложение доклада на совещании руководителей самостоятельных коллективов.

Кубилей клоун — Виталия Лазаренко

«Мейерхольд и западное кино» — путевые за-
метки и др.

Примерно такое же разнообразие в темах и откликах сохраняется в библиографии во все последующие годы вплоть до 1937 го, когда театр закроют. Но и в 1939 году, буквально за два месяца до ареста, он возвращается к перу и пишет о репертуарном плане оперного театра Станиславского и делится впечатлениями об очень понравившейся ему работе молодого Довженко. И не удивляйтесь, что статья эта названа «Художник сталинской эпохи». Не так часто история показывает нам такие гримасы. Конечно, это расхожая фраза: но Довженко очень не любил Сталина и немало от него пострадал. А что касается Мейерхольда, то он знал, что все гонения на него идут от Сталина. И даже последнее письмо о помиловании, уже зная, что его ждет казнь, он написал не бессмертному вождю, как это было принято, а Молотову.

Так что же это было? Шумная жизнь на виду и несколько поставленных спектаклей — сила инерции, выработанная десятилетиями, «диктатура привычки», как он сам любил говорить, или мужество духа на краю пропасти? Я думаю — и то и другое, и все-таки главное, это бесстрашие, от которого вскоре мало что останется. И другой вопрос, на который я обязан ответить: почему Сталин так долго с ним возится, позволяет ему витийствовать и давать интервью, и даже ставить спектакли. Я работал тогда в газете «Советское искусство» и через мои руки прошло очень много публикаций, вошедших в цитированный указатель. А когда наступило 60-летие Мейерхольда, мы его торжественно отметили и напечатали воспоминания Книппер-Чеховой и Качалова (которые открыли первую фундаментальную книгу, вышедшую в 1967 году, — «Встречи»). А ведь у нас был сверхосторожный редактор, да и к тому же председатель Главреперткома, О. С. Литовский, который не пропустил бы этого юбилейного славословия, будь что не в порядке. Значит, он имел такие полномочия и заручился согласием по крайней мере тогдашнего наркома просвеще-

ния А. Бубнова, которого впоследствии, среди многих обвинений, уличали и в покровительстве Мейерхольду. Высказывалось мнение, что терпимость вождя была связана с международной популярностью Мейерхольда. Мнение неосновательное, потому что Сталин не придавал значения таким пустякам. Еще одно письмо напишет Ромэн Роллан, — мало ли их уже было? Или левый крикун, возмущивший себя гением, Пикассо напечатает пасквиль. Кому это важно?

Нет, причина была гораздо глубже. Сталин давно уже нашел роль, которую он поручит бывшему актеру Художественного театра в своем спектакле. Я не знаю, кем он был — параноиком или шизофреником, о чем спорили психиатры в «Литературной газете», но он был преступником (что документально доказано еще в 50-е годы), совершавшим свои злодеяния в ясном сознании. Он был убежден, что троцкизм, как чума, захватил русскую художественную интеллигенцию. А раз есть преступные элементы, значит, у них обязательно должен быть лидер. Он давно уже справился с оппозицией на всех ее уровнях, и тысячи и тысячи людей сидели в тюрьмах — военные, ученые всех специальностей, хозяйственники, коминтерновцы, журналисты, коллекционеры, толстовцы, дипломаты, выходцы из других партий, люди свободных профессий, верующие. Он пересажал всех обитателей гостиницы «Люкс» на улице Горького — там жили иностранные коммунисты, а сколько было опечатанных квартир в Доме на набережной, то есть в Доме правительства! Он уничтожал партии в полном составе, как, например, польскую или латвийскую. В тюрьмах сидело много писателей, актеров, художников. Но это были одиночки вроде Мандельштама, а надо их брать группами, срезать целые слои. И он давно уже тасовал имена как карты: кто для этого годится? Эренбург, Эйзенштейн, Бабель, Кольцов, Шостакович и другие? Ни один не подходил. Одни — потому, что были далеки от политики, другие — из-за недостатка авторитета, третьи — по мягкотелости и пр. И он выбирает Мейерхольда. Он — старый коммунист, хороший организатор, давно связанный с Троцким, который однажды назвал его «ненстовым». И связи их тянутся издалека, еще с 1923 года. Таким образом, жребий пал на бедного Всеволода Эмильевича. Но сперва надо разработать сценарий, а потом уже действовать. Не следует торопиться, никуда он не денется. Срабатывает звериный инстинкт, кошка играет с мышью. А если моя версия требует доказательств, то вот оно.

Я сошлюсь на письмо из военной коллегии Верховного суда СССР от декабря 1988 года, написанное внучке Мейерхольда Марии Алексеевне Валентей:

«Сообщаю имеющиеся у нас сведения на Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича.

По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1 февраля 1940 года Мейерхольд В. Э. осужден к расстрелу по ложному обвинению в том, что он, являясь с 1923 года троцкистом, входил в состав троцкистской группы, которая проводила антисоветскую деятельность среди театральных работников и возглавлял в 1930 году троцкистскую группу, объеди-

нявшую все антисоветские элементы в области искусства, обвинялся Мейерхольд также в шпионаже.

Приговор в отношении Мейерхольда В. Э. приведен в исполнение 2 февраля 1940 года. В наших материалах нет сведений о месте приведения приговора в исполнение, не располагаем мы сведениями и о месте захоронения Мейерхольда. Эти сведения Вы можете запросить в КГБ СССР по материалам прекращенных дел на МЕЙЕРХОЛЬДА В. Э.

НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
А. НИКОНОВ.

Вот доказательство официально признанного лидерства Мейерхольда в троцкистском заговоре.

По необходимости я нарушил ход изложения и оказался у самой последней черты. Дальше пуля и тьма. Такая смена пластов времени теперь часто применяется в художественной литературе. И поможет нам лучше охватить картину всего, что случилось с Мейерхольдом в последние, еще не описанные нами годы. Теперь учтите, что письмо Никонова, излагающее суть и формулу ложного обвинения, предъявленного карательными органами Мейерхольду, не было импровизацией, собиравшие улики, при всей их заведомой лживости тянулось долго и не могло для чуткого и наблюдательного Всеволода Эмильевича быть неведомым. И оцените, какая стойкость требовалась ежедневно и ежечасно, чтобы вести свою режиссерскую работу в привычном для него ритме.

Я расскажу, чтобы напомнить о силе духа Мейерхольда, о позднем его спектакле, который он поставил в 1935 году в Ленинградском Малом оперном театре, — о «Пиковой даме», работе классической, являющейся одной из вершин творчества режиссера.

За два с небольшим месяца до премьеры «Пиковой дамы» Мейерхольд выступил с большой речью в московском клубе мастеров искусств в Пименовском переулке и рассказал, каким будет задуманный им оперный спектакль. Публика на вечере была отборная, такие киты редко собирались вместе в «Кружке». Я помню нечто похожее на встрече с китайским актером Мей Лань Фанем. И Мейерхольд не обманул надежд, он был в ударе. Первый тезис мейерхольдовской реформы простой — надо сблизить музыку Чайковского с гением Пушкина. Задача не легкая, но достижимая и захватывающе интересная. Необходимое для того условие — убрать посредника, который их разлучил. Речь идет о либретто, автором его был брат композитора Модест Чайковский; посредственный драматург, он не мог подняться до уровня пушкинской прозы, не мог и не пытался, следуя за капризной волей директора императорских театров Всеволодского, несведущего и самонадеянного сановника. Вносить поправки в это сочинение было невозможно, полетела бы вся конструкция. И Мейерхольд поручил В. Стенину, одаренному литератору и переводчику (мы все тогда зачитывались его переводами Док Пассоса), написать новое либретто. Знарок музыки, он взялся за работу, и это была настоящая литература, проложившая надежный мост между композитором и ре-

жиссером. Пушкин и Чайковский — вот основа трагедии.

Раскрыт и показан в этом спектакле труд с невероятной силой действия, таинственности. Своеобразие Мейерхольда — яркий пример.

Вступите в речи Мейерхольда, а также критический анализ, который редко наблюдался в постановке Эмильевича. «Гамлет» — жизнь, у меня не было один эпизод, действительно в свирепой трагедии.

«Берег и берег гонит серебро, берег Гамлета, ждет и ждет жадно, всматривается. Всмотритесь, набегает, как вытаскивая, одна, отец его (то есть Серебряный берег). Вода заливает, холодно, ему бегит, ему навстречу, предстает Гамлет закутанный, обнимает, отец в серебре, Гамлет в серебре, сцены».

Главное, что способен зритель и нежно с ним.

Призраки жгут сына Гамлета, на щеках и члених.

Это призраки. Почему я могу высказать, хотел поручить, меня, о которой можно сказать и я узнал, что по Мейерхольду Р. А. двойная фамилия.

лишних людей, ему не нужна внушительность, множественность. Он рассуждает так: «По традиции Германи на балу не находился в поле зрения публики. Нить его жизни обрывалась. Я же настойчиво стараюсь ввести Германина во все сцены. Зритель все время следит за сложными переживаниями Германина». Режиссер убежден: «если бал будет слишком длинным интермеццо, то зритель потеряет нить действия».

Я назвал несколько сцен, о которых шла речь в его выступлении, всего не перескажешь: это и баллада Томского, и сцена Лизы и Полины, и встреча Германина с графиней, и описание пантомимы. Упомяну здесь только новое прочтение музыки, она не расслаивается на автономные номера, арии, дуэты, ансамбли с неизбежными паузами и промежутками, ничего не сочиняя, он заполнил эти пустоты действием, придав опере-драме цельность и непрерывность. Публика встретила речь Мейерхольда с энтузиазмом. Теперь надо было ждать того дня, когда воображение режиссера станет плотью и материей.

В январе 1935 года наступил этот день. Мейерхольд пригласил нас, группу молодых литераторов, на свою премьеру. Я писал об этой поездке не раз и не буду повторяться. Натура мало отличалась от схемы, изложенной режиссером в Москве. Но слово обрело зримость, пластичность и «трепет жизни», по старому тургеневскому выражению. И все было для нас ново, потому что искусство в его бесконечном видоизменении не поддается догматности плана, особенно у непредсказуемого Мейерхольда. Я напому об одной только доминирующей теме — одиночестве Германина. Тема эта промелькнула и в Москве. Но теперь противостояние сумрачного, замкнутого, избегающего общения Германина и увлеченной до самозабвения игрой, почти маскарадной толпы стало разяще очевидным. Германин был протагонистом спектакля, что, впрочем, несколько не принизило значения роли самой пиковой дамы, которую сильно играла Вельтер. Даже обязательный любовный мотив Лизы звучал глухо в этой редакции оперы. Какие-то пропорции были в ней смещены. Мне издавна казалось, что в режиссерском искусстве Мейерхольда иногда едва заметно, а чаще явно, прорывается дисгармония. Она дает о себе знать то оглушительностью, нарушающей тишину и порядок, то, напротив, незавершенностью, недосказанностью, непоставленной точкой. Теперь дисгармония нужна была Мейерхольду как средство отбора и предпочтения. Он даже говорил несколько иронически: курсив мой. К счастью, курсив был не навязчивым.

В целом спектакль производил глубокое впечатление. Это был действительно прорыв к Пушкину, к затемненному во всех других постановках смыслу. У Мейерхольда при легкости светско-анекдотичности мы не заметили подробностей бытового сюжета; перед нами полет фантазии за пределы объяснимой логики, тот романтический элемент, который дорог равно как Пушкину, так и режиссеру. И у поэзии театра — мы вправе так ее называть — был очень печальный и неутолимый конец — безумный Германин на койке в Обуховской больнице.

Мы провели тогда в Ленинграде два или три дня в тесном общении с Мейерхольдом. Он много рассказывал о Станиславском, о трагической судьбе Ленского, о своих отношениях с Комиссаржевской. Ничего этого мы не знали и слушали его, не переводя дыхания. Труднее нам стало, когда Мейерхольд начал задавать вопросы: «Почему вам понравилась «Пиковая дама»? Только не говорите любезностей, я жду от вас не оценки, а разбора по существу!» Состояние у нас было такое, как у гимназистов на выпускном экзамене. Почему же я почувствовал особое и, я бы даже сказал, неприличное волнение на премьере «Пиковой дамы»? Открытий там было много — слияние стихий поэзии и музыки, родственность и угаданная близость Пушкина и Чайковского, свобода от условностей, продиктованных оперным действием (ведь и в «Пиковой даме», если брать известные до того постановки, было такое), прикосновение к тайне, лежащей в основе пушкинского сюжета. Открытий было много, но я хорошо знал замыслы Мейерхольда и был ко всему готов. А что меня поразило новизной? Это чувство трудно вогнать в слова, я скажу так: созерцания картинности и зрелищности событий, происходивших на сцене, теперь для меня было недостаточно, потому что из зрителя *наблюдающего* я стал зрителем *сопереживающим*. Эстетика мейерхольдовского спектакля была очеловеченной, театр оставался театром, но достоверность драм и судеб, при всей романтической дымке, стала непрерываемою. И возник привычный для Мейерхольда мотив не благополучия, не устройства, какого-то неурядка, выходящего за границы театрального представления.

Я так надолго задержался на описании «Пиковой дамы» потому, что это был последний программный и принципиальный спектакль Всеволода Эмильевича. Правда, впереди были еще репетиции «Бориса Годунова», и их запись вошла в основной фонд его литературного наследия. Но на стадии репетиций эта работа оборвалась. Мог ли я тогда представить себе, что сроки Мейерхольда уже сочтены и что его терзает драма раздвоения? Да была ли эта драма? Его дни были так наполнены творчеством, что, кроме как о «Пиковой даме», ни о чем другом думать он не мог. И все-таки, может быть, было два Мейерхольда, ведь он писал в предсмертном письме Молотову о двух своих сущностях: рядом с человеком, невыносимо страдающим от пыток следователей-уголовников и последней степени морального угнетения, есть еще человек, остаток человека, который пытается смотреть на себя со стороны и хочет разобраться, что же такое с ним случилось и зачем понадобилась эта нечеловеческая жестокость? В такие минуты отчуждения к нему приходит мысль — «значит, так надо». Какая ужасная, удручающая фраза! И это ведь не актерство на пороге казни! Это предсмертный крик! Такой, очевидно, была природа Мейерхольда и реальность его бытия в двух измерениях.

А если верить Михаилу Чехову, то в статье, не вошедшей в его двухтомник, он писал, что видит Мейерхольда в трех лицах, в трех ипостасях. «Лично я знал трех Мейерхольдов... Первый — художник. Он создавал, то есть показывал нам динамику жизни, образы, факты так, как сам видел их и знал, и как хотел, чтобы их уви-

дели и узнали». Этот — унитарный, партийный, принимающий преступления личности как за те, что человек (Тут вы не знали его). О абстрактное членство в партии, гибнуло индивидуальное, и его». Это проблема, Мейерхольд, шло убедиться.

Время, когда все делалось, когда все делалось, его изобретения, и театр с помощью прекратил.

В верах П. М. Кержневца в партию бо. Он сидел в тюрьме в подполье и победил после революции. Он был дипломатом в Риме, работал в ЦК, в искусстве в Коммунистической партии и революции. Председательство в пр. и пр. Кроме темы и о театре, жавшая несколько. В данном случае как с председателем, чился его административными оповестями (1937) о политике Мейерхольда и его хохотанная, зованный опыты тогда дискуссия была милицией, происшествии. А ника в критическом.

В черном, волюнтаризм, психологический деготы! Милые и другие безобразия, революции его монтажа. Классический, как тургия ему являлись, бегло к станциям, и на протяжении своего, когда-то Кержневца, ничего крика, семнадцать лет, Россия, театр, в

В черной краске Керженцев изобразил дореволюционный период режиссера Мейерхольда. Сплошной деготы! Мистика, стилизация, поппание реализма и другие безобразия. Вот почему двадцатую годовщину революции его театр встретил в состоянии полного демонтажа. Классическую литературу он уродовал, своевольничал, как ему вздумается, а современная драматургия ему явно была не по вкусу. Обличитель Керженцев бегло касается истоков театра, его первых постановок, и находит в них политику самого злонамеренного свойства. Он называет верхарновские «Зори» — когда-то Керженцев о них писал, они ему не нравились, но ничего криминального он не обнаружил. А через семнадцать лет он уяснил их суть. Оказывается, в «Зорях» «театр возвел на героическую высоту меньше

И, усвоив интонацию Вышинского, он громит советский репертуар Мейерхольда: «Присяжными поставщиками Мейерхольда оказались господа Эрдман, Третьяков и др. Мейерхольд хвастал, что он поставит еще пьесы теперь разоблаченного шпиона Бруно Ясенского, исключенного из Союза писателей поэта Б. Корнилова и ему подобных господ». Керженцев все время нажимает на одну педаль: Мейерхольда фатально тянет к антисоветчикам, уже разоблаченным и пока еще находящимся на свободе. Керженцев не унимается — вот близкая режиссеру тема: еще недобитое мещанство. Такой, например, пассаж — «Самоубийца» Эрдемана

Ровно
произойдут два
тельную судьбу
Москве открыл
жиссеров, где
успехом и его
было шумное и
рии. Присутств
он оставил св
Молотова по
честь Мейерхо
легко было уга
недовольства
триумф Мейера
по проф. ссии.
следственной ч
постановление
были соответс
кон соблюдае
ареста послуж

Товарищи, ваши хлопоты, столь бурные, которыми вы заполнили этот зал и в первый и во второй день каждый раз при упоминании моего имени, — прошу вас сказать вместе со мной, что эти ваши аплодисменты направлены были не ко мне, а к нашему правительству, нашей партии и, прежде всего, к тому, кто вдохновляет нас, художников, на великие дела в нашем строительстве, на великие дела создания нового коммунистического общества, тому, кто создал такую Конституцию, которая и могла создать условия для нас, ошибавшихся, в труде исправить наши ошибки» (Бурные аплодисменты.)

Меня грызут сомнения — зачем приводить в подробностях самообличение Мейерхольда на режиссерском съезде? Зачем бросать тень на память великого художника? Но вспомните, как в те годы всеюдно ломали ему хребет, как глумилась над ним Власть. И он согнулся под тяжким бременем и не устоял на ногах. Пусть новый Брехт напишет о новом Галилее, покаившемся «узнике инквизиции» (масштабы здесь разные, драма с коленопреклонением похожая). Не такая ли участь постигла Мейерхольда триста с небольшим лет спустя, в гуманный век Эйхштейна и Павлова, на тридцатом году нашей революции? Поистине разрушающая сила страха превращает и великих людей в идолопоклонников. Писать об этом невыносимо горько, но что поделаешь, так было, и как бы дорог мне ни был талант Мейерхольда, отступать от правды не могу.

Сталин пришел в ярость и не только по поводу Мейерхольда. Что с него взять — с ним счеты покончены. Сталина возмутила аудитория, которая позволила себе устроить безобразную демонстрацию, какой-то оголтелый шабаш в честь отпетого отщепенца Мейерхольда и бросила тем самым прямой вызов и ему и Советской власти. Можно ли это простить? И Берия начал действовать¹.

Его привезли на вокзал в Ленинграде в три часа ночи, а куда доставили в Москве — не знаю. Несколько дней не было допросов. С 27 июня начался кровавый конвейер. Палачи-следователи были хорошие профессионалы. Они хладнокровны, равнодушны, методичны, у них выключены или заморожены все человеческие чувства. Своих жертв они людьми не считали. Они видели в них сырье для обработки, бесформенную массу, которую надо было разделить поименно и заставить говорить. Психология мясника на бойне, с той только разницей, что мясник не требует от бедных животных признаний. Кроме силы, на стороне НКВД было и время. Один, два, три дня жертва может сопротивляться, а дальше становится все труднее и труднее. Если бы на эту тему существовала статистика, то оказалось бы, что людей, способных выдержать такой массивный пресс, единицы. Они герои — такие, например, как Рютин и дипломат Гнедин. Надо еще добавить, что мастера пыточного цеха — знатоки анатомии, им хорошо известно, где у человека самые болевые точки. И вот в руки этих

родосов и шварцманов (всего их было шесть) попал по-настоящему остроэмоциональный, впечатлительный, не очень здоровый Мейерхольд. Поодинок был не равный, его били, и он подписывал дрожащей рукой протоколы. Подписывал и потом отказывался. Значит, следователям надо было приглушить его сознание, затемнить его, но в минуты прояснения он все-таки подымал голос. Истязатели ему этого не прощали и снова били смертным боем. О процедуре и технике насилия над Мейерхольдом кое что мы знаем из его письма Молотову, написанного в два приема, потому что заключенным давали каждую неделю (или декаду) маленький клочок бумаги, оба датируются январем 1940 года. Я приведу два отрывка из этого письма¹:

«Когда следователи в отношении меня, подследственного, пустили в ход физические методы своих на меня воздействий и к ним присоединили еще так называемую «психическую атаку», то и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что натура моя обнажилась до самых корней».

Нервные ткани мои оказались расположенными совсем близко к телесному покрову, а кожа оказалась такой нежной и чувствительной, как у ребенка; глаза оказались способными (при нестерпимой для меня боли физической и боли моральной) лить слезы потоками. Лежа на полу лицом вниз, я обнаруживал способность извиваться, корчиться и визжать, как собака, которую плетью бьет ее хозяин. Конвоир, который вел меня однажды с такого допроса, спросил меня — «У тебя малярия?» Такую тело мое обнаружило способность к нервной дрожи. Когда я лег на койку и заснул с тем, чтобы через час опять идти на допрос, который длился перед этим 18 часов, я проснулся, разбуженный своим стоном и тем, что меня подбрасывали на койке так, как это бывает с больными, погибающими от горячки.»

«Меня здесь били — больного шестидесятишестилетнего старика, клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой), и по местам от колен до верхних частей ног. И в следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, что на болевые чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной, меня били по лицу размахами с высоты...»

Нельзя без содрогания читать эти строки. В Испании XV века был великий инквизитор Торквемадо. Вот из таких корней росла бериевская юстиция. Но 500 лет назад виноватых просто жгли на кострах. Теперь к инквизиции подключили медицину. Если подследственный от пыток уже дышал на ладан, его отправляли в больницу, подлечивали, подкармливали и потом возвращали обратно в мир кошмаров, резиновых палок

¹ Материалы по следственному делу Мейерхольда мне любезно предоставил внучка Всеволода Эмильевича М. А. Валентей, много и плодотворно потрудившаяся над собиранием и публикацией его литературного наследия.

¹ Меня не смущает, что некоторые из приведенных здесь документов были уже опубликованы. Тут не может быть ни приоритетов, ни сенсаций. Изучение истории гибели Мейерхольда требует коллективных усилий.

и рукоприкладств
Мейерхольда? Прими-

Теперь
это понятие раск
читали в запад
да, откуда ин
ский где дикая
обрести силу ар
лет идет охота
стоимость и на с
ских теремах тр
предусмотренной
выглядом мы все
что бессонный
хотя работали
маленькие, здоров
и все-таки у них
элемент ирраци
дело Мейерхоль
принцип — бол
разведки им ма
завербовавших
службу. Одного
Рафаила (его и
приобщившего
жен весь ареопа
включая Рыков
укрупнение, игр
Дичь попала
ложить Сталин

Внача
самым подробн
териалы, котор
доступными, ме
журналисты в
щать документ
в мума. Моя з
сколько обобщ
следствия я об
суда поразила
тельной повтор
этой индустри
существовало
римости. Тако
существовало да

Мейер
ковской худож
из достоприме
лицы. Иностран
обязательно л
шевением все
ские времена.
дентом Комму
Востока, но по
Мейерхольда.
Люди ходили
журналистов
была его слаб
у органов пра
кенофобии р
иной шпийн. (

Есть там англичанин Грей и японец Носидо Носимасу. Здесь следовало затратить больше усилий. Мейерхольда били, унижали, топтали ногами и приперли к стенке, им можно было манипулировать как только вздумается следовательно. С англичанином Греем Всеволод Эмильевич был знаком еще с 1913 года. Установить его профессию по данным, которыми мы располагаем, трудно. Вначале Грей фигурирует как корреспондент лондонской газеты «Дейли Мейл», в более позднее время Мейерхольд говорит о нем, как о представителе торговой фирмы, хотя совместить эти занятия вполне возможно. У Мейерхольда были с ним хорошие отношения и в силу старого знакомства, и потому, что жена Грея, драматическая актриса Барсова, была ученицей Всеволода Эмильевича, и он однажды, стесненный в средствах, жил в Париже на ее квартире. Разговаривали они только на темы искусства. Грей обращался к нему с разными просьбами, так, он хотел продлить срок пребывания в Москве, и Мейерхольд написал письмо в какую-то инстанцию. Но были просьбы поделikatнее, ему нужно было установить связи с разными людьми, занимавшими видное служебное положение. Основательно «обработанный» следователем, выдрессированный и натасканный, он заучил, как «Отче наш», несколько готовых ответов на вопросы военного прокурора, когда тот спросил его о Грее. Вот что ответил он по разработанной шпаргалке:

«Грей просил меня познакомить его с Рыковым. Я оплатил за оказанную мне любезность когда-то в Париже» Он попался на удочку прокурора и стал сочинять: «Я познакомил Грея с Рыковым Алексеем Ивановичем, бывшим в то время членом ЦК ВКП(б) и наркомом почт и телеграфа. Эту встречу Грея с Рыковым я организовал в 1935 году у себя на квартире. С какой целью Грей хотел встретиться с Рыковым — не знаю, о чем они говорили, тоже не знаю».

Вся эта история неправдоподобна с первого до последнего слова. Мейерхольд никогда не поддерживал тесных отношений с Рыковым. Может быть, они были знакомы, но не так близко. И кто же поверит, что такой опытный политический деятель, как Рыков, так легко полезет в петлю и согласится встретиться с каким-то не известным ему иностранцем, особенно если учесть, в каком подвешенном состоянии он находился и знал про постоянную слежку за ним. На такую очевидную провокацию он не пошел бы. А в обвинительное заключение этот сюжет попал и служил доказательством причастности Мейерхольда к правотроцкистскому блоку и шпионажу Рыкова уже тогда расстреляли. Грех выслали и с него взятки гладки, а Мейерхольд был еще жив, и его ждала казнь. Перед нами типичная драма самоговора, погубившая тогда тысячи людей. В Академическом словаре, равно как и у Даля, нет этого слова, а между тем, не зная его, нельзя понять трагедию, постигшую тогда Россию.

И третий участник этого разглагольствования по свету шпионского заговора. Об искусстве японского шпионажа мы были слышаны еще в детстве, прочитав в гимназические годы один из лучших рассказов Куприна «Штабс-капитан Рыбников». Надо сказать, что в наши 30-е годы это искусство сильно потускнело. Если принять версию, предложенную следователями из НКВД. Никакого маскарада, никакого самурайства! Дважды проштрафившийся японец Иосидо Иосимасу, сперва за пребывание в коммунистической партии (видимо, тогда нелегальной) и второй раз — за незаконное сожительство с замужней женщиной, ищет спасения в России и почему-то связывается с японской контрразведкой, которая дает ему прямую директиву, как вести себя в Москве. Режиссер и переводчик русской литературы (где-то промелькнула фраза, что он пишет революционную поэму, но это вовсе не значит, что он принадлежит к сословию поэтов), он тайно пытается перейти границу, но его ловят, и на этом обрывается карьера неудачливого диверсанта. Он начинает давать показания. Здесь разыгрывается фантазматория, нельзя сказать, что хорошо придуманная. До побега какой-то начальник из тайной японской службы (приводится фамилия) внушает ему, что, когда он доберется до Москвы, ему нужно будет установить связь с Мейерхольдом — влиятельным театральным деятелем, замаскированным троцкистом. Его теперь резко критикуют, и тем лучше, потому что он несомненно обозлился и на него можно надежно положиться. В общем, Мейерхольда следует «использовать как прикрытие и возможного серьезного агента». У японской разведки существует убеждение, что Иосиду Иосимасу, которого они посылают в Россию для совершения террористических актов против руководителей партии и правительства, попадет под крыло Мейерхольда и тот поможет ему устроиться в одном из московских театров. А там наступит час акции. Перед нами версия, изложенная Иосидо Иосимасу на предварительных показаниях.

На суде японец предлагает другую версию: он вместе со своей возлюбленной артисткой Окадо перешел советскую границу, спасаясь от преследования полиции. На суде, неожиданно для следователей, он признался, что ему стыдно, ведь он говорил, будто в Японии читал статью о закрытии театра Мейерхольда. Это, очевидно, и дало толчок его последующим измышлениям. На предварительном следствии ухvatились за эту выдумку, и он, по его собственным словам, наговорил «такую глупистику о Мейерхольде». Он скажет еще более прямо — проснувшаяся совесть не дает ему покоя: «Можно бояться, растеряться, наговорить то, чего не было, но это хуже, чем шпионаж. Я считаю себя виновным, что назвал имя Мейерхольда». Но раз уже назвал, никуда от этого не денешься, и клеймо японского шпиона останется на Мейерхольде. Я уже говорил, что логика под этой крышей не требовалась, требовались слова-знаки, олицетворяющие будто бы совершенные проступки, миф с бесконечной способностью андоизмняться. Какие же проступки совершил этот японец, которого суд приговорил к высшей мере наказания? Мы не знаем. Может быть, такой сомнительный свидетель мог бросить тень на следствие по делу Мейерхольда?

Четко
ча то не е
Удържане
ни е да се
не е да се
ном М. Бар
брателства

Чтобы еще Юргиса Бсти, он кончил на русском языке было хоро журналах Бана энциклопедской лирике 1 лег, он был Мейерхольд п века В послед бывал в его т вич не порва стал иностран курора, подгв Балтрушайтис причастности циях его счита открыто, касая Об этом говор же говорили в кой крамолы когда в доме и крупный тог стрелянный В сается вопрос дусмотренной винить Мейер Прибавьте к тельно, что н вопрос — как литься Мейер тые источники

Все э
Раз матерный
полагается б
хольда закл
ствия, был о
ворщников и
телингенции.
ствия выдаю
доть это им
признает су
среди подпол
хольда и пог
спрашивают,
водителем ор
С. Эйзенште
поддержива
ка творчеств
Пропанандиро
Белен (1904)

[illegible][illegible]

Материалом для обвинения и осуждения Луначарского Я. Боярский писал, что, когда в 1920-е и 30-е годы громко звучало Коминтерновское «декретное» искусство, еще не существовавшее и управлявшее театрами. Но откуда Луначарский ушел в 1929 году, а не был бы убит и опозорен? Руководством театрами тогда же занимались очень достойные люди, например, Мейерхольд или Феликс Кон, которые не считали себя инстанциями этого дела, да и не были ими. А председатель профсоюза Рабис Я. Боярский до тонкости знал искусство театра. Значение профсоюзов в общественном процессе страны в те времена нельзя сравнить с тем, во что они превратились позже, обюрократившись и потеряв живой нерв. Особенно влиятельным был в те далекие годы в ЦК Рабис — его председатель Я. Боярский непосредственно участвовавший в руководстве театрами. И теперь, тоже оказавшийся за решеткой, он давал показания против Мейерхольда. Он начал с далекого прошлого, приписал ему, что тот участвовал в зрелищном оформлении празднования 300-летия дома Романовых в 1913 году. Значит, он не только троцкист, но и монархист в прошлом. После этого вступления Боярский пустился во все тяжкие. Так, он упомянул, что Мейерхольд вместе с Троцким защищал от нападок Есенина. Затем он перешел к репертуару. Что ни пьеса, то политический просчет. Сочинение Третьякова «Хочу ребенка» — вредно, «Самоубийца» Эрдмана — контрреволюционная клевета на Советскую власть, «Вступление» Германа Мейерхольд посвятил Бубнову, с которым, по словам бывшего профсоюзного деятеля, он был «в самых дружественных отношениях». Бубнов всегда покрывал его, твердя, что к нему нельзя подходить с общей меркой, что он гениальный человек, который может позволить себе «отдельные чудачества». По словам Боярского, Мейерхольд говорил, что вот при Ленине не было такого руководства искусством. В этих вопросах Ленин был очень сдержан и не навязывал никому своих мнений. Когда к нему обращались за директивами по вопросам искусства, он часто говорил: «Я в этом деле ничего не понимаю, обращайтесь к Луначарскому».

Все эти подробности — цветочки, а не ягодки. Раз матерый троцкист попался в сети правосудия, ему полагается быть и шпионом. Главная же вина Мейерхольда заключалась в том, что он, по данным следствия, был организатором троцкистской группы заговорщиков и диверсантов в среде художественной интеллигенции. После жесточайшего физического воздействия выдающийся писатель Бабель (как страшно видеть это имя в толпе истерзанных лжесвидетелей) признает существование такой группы, хотя первым среди подпольных театральных деятелей называет Михоэлса и потом уже Мейерхольда. На следствии Бабеля спрашивают, кто руководители? И он отвечает: «Руководителем организации был я, Бабель, по линии кино С. Эйзенштейн, по линии театра Михоэлс, которого поддерживал Мейерхольд» и далее идет характеристика творчества Олешин «В своих произведениях он хотел пропагандировать охватившее его чувство отчаяния и пессимизма. Других тем у него не было, они ему ката-

Насколько известно, в Японии существует тайная организация, которая занимается подготовкой террористических актов. Эта организация называется "Омамура" и ее возглавляет человек по имени Омамура. Он известен как один из главных организаторов террористических актов в Японии. Омамура был арестован в 1958 году и приговорен к пожизненному заключению. Однако, несмотря на это, он продолжает оставаться в тюрьме, и его дело остается открытым. Многие считают, что Омамура является одним из самых опасных террористов в Японии. Его деятельность привела к гибели многих людей и нанесла огромный ущерб Японии. Поэтому многие считают, что Омамура должен быть казнен. Однако, в Японии нет смертной казни, и Омамура продолжает сидеть в тюрьме. Это вызывает много вопросов и споров. Почему Омамура не был казнен? Почему его дело остается открытым? Эти вопросы остаются без ответа. Многие считают, что Омамура является одним из самых опасных террористов в Японии. Его деятельность привела к гибели многих людей и нанесла огромный ущерб Японии. Поэтому многие считают, что Омамура должен быть казнен. Однако, в Японии нет смертной казни, и Омамура продолжает сидеть в тюрьме. Это вызывает много вопросов и споров. Почему Омамура не был казнен? Почему его дело остается открытым? Эти вопросы остаются без ответа.

он в этих вопросах специалист. И следствие нашло возможным использовать эти показания как материал доказывающий преступные взгляды Мейерхольда.

Гнетущая диалектика дела Мейерхольда заключалась в том, что он был не только жертвой оговора лиц, названных здесь и не названных, но и сам под нестерпимыми пытками сочинял небылицы, зловещие легенды о других и как мол оговаривал самого себя. Что по сравнению с этой запротоколированной мистерией лжи книги Кафки? Я не буду подробно останавливаться на этой, вышибленной резиновой палкой, дурной фантазии. Изнемогая под кнутом следователя, он сочинял все новые и новые улики. Его богатое воображение, поражавшее всех нас, долго не истощалось... Я скажу только об одной большой лжи и нескольких частных сюжетах.

Большая ложь — это признание, что по заданию правотроцкистского руководства он создал разветвленную организацию явных и потенциальных сторонников возглавляемого им заговора. Мейерхольд привел длинный список подрывников — И. Эренбург, Б. Пастернак, Л. Сейфулина, Всеволод Иванов, К. Федин, С. Кирсанов, В. Шибалин, Д. Шостакович, И. Лапина (дочка Эренбурга), С. Эйзенштейн, Э. Гарин, В. Дмитриев. Компания, взятая, что называется, наугад, хотя все они ему были знакомы, правда, некоторые шапочно. Разумеется, это был несусветный вздор, никто из здесь упомянутых не подозревал, что он состоит в группе троцкистских заговорщиков под водительством Мейерхольда и покушается на самые основы Советской власти. И заметьте, что никто из этой, случайно составленной команды больших талантов и просто талантов не пострадал и не подвергался репрессиям. А ведь Сталин любил изымать людей списочно, по принципу коллективности, коллег по профессии, — агрономы, военные, врачи, железнодорожники, историки и пр. А здесь угроза прошла мимо. Может быть, Сталин пресытился и решил, что расстрел Мейерхольда, Бабеля, Кольцова и прочих заставит всех других призадуматься, подтянуться, поджать хвосты? А может быть, у современных Борожина, вешателей, расстрельщиков, отравителей были какие-то другие планы? Ведь они не устроили процесса над Литвиновым, хотя явно его готовили.

А Мейерхольду приписывали близкие контакты с лидерами правых и левых уклонов (он сам почему-то сказал, что Троцкий в какой-то статье назвал его «неистовым Всеволодом»; когда-то ему льстило такое внимание, потом он проклинал Троцкого самыми ругательными словами). В обвинительном заключении по его делу упоминаются троцкисты всех поколений и всех рангов. Очень многих он не знал, только слышал — от Рыкова и Бухарина до функционеров местного значения. Массовость, мельканье имен придавали размах его делу. Все эти люди давно и бесследно исчезли. Хуже, что в первые безумные дни допросов он не пощадил живых.

Возможно, что, попадись к давно опьяневшим от крови следователям Родосу и Воронину генерал Карбышев, он устоял бы перед их натиском и не давал лож-

ных показаний. Но Мейерхольд при всех его великих талантах не обладал такой стойкостью. Он был прежде всего пожилым человеком, без фанатичной закалки, привыкшим к жизни в правительственном комфорте. Трудно в Новороссийске в его молотки была детская сажа, если ее сравнить с режимом в Бутырке. Следовательно сразу нашли к нему подход. Беспощадно били его, глушили неожиданностью, растоптав его достоинство, затемнив его сознание. И не только били, но и вели «психическую атаку» (это слово встречается в его письмах, жалобах и показаниях не раз). Он не мог выдержать такого чувства превосходства грубой силы над его униженностью и незащищенностью, и слезы обильно текли из его глаз. Сердце его разрывалось от обиды, от отчаяния честного человека, которого в застенках довели до такой низости. Выбора, казалось ему, не было, и он заговорил языком, угодным его истязателям.

Историю, как давно и хорошо известно, нельзя улучшать задним числом, и, не кривя душой, я приведу подлинную запись одного из его ранних допросов.

«Вопрос: Почему вы указываете вовлечение вас в троцкистскую организацию с приездом Эренбурга в Москву?

Ответ: Потому, что именно он, Илья Эренбург, установил со мной антисоветский контакт и вовлек в троцкистскую организацию.

Вопрос: Не врете ли вы? Может быть, вы оговариваете Илью Эренбурга?

Ответ: Я говорю правду. Илья Эренбург, как он и сам говорил мне, являлся участником террористической организации, причем он располагал обширными связями среди троцкистов не только в Советском Союзе, но и за границей».

И дальше в том же духе о Мальро, который, как известно нашим читателям, числился завзятым разведчиком французской службы. У Мейерхольда спрашивали, правда ли, что Мальро говорил о «буйной натуре» Олешин, которой надо дать «соответствующее направление. Использовать для подборки необходимых кадров, могущих быть использованными по линии физического устранения руководителей партии и советского правительства». Мейерхольд продолжает: «Было совершенно ясно, что Мальро намечает использование Олешин как участника троцкистской организации».

«Вопрос: Может быть, Олеша вовсе не знал, какие замыслы в отношении его имеются у Мальро?

Ответ: Олеша об этом хорошо знал, так как он присутствовал при этом разговоре.

Вопрос: Ведь Олеша не знал французского языка, при этом разговоре присутствовала переводчица?

Ответ: Переводил Эренбург».

Мейерхольда расчеловечили, втоптали в грязь, довели до помрачения сознания. Он плакал, стонал, а иногда наступало полное онемение.

Тем временем прошло лето, наступила осень. В гонке следствия, по мере того как оно приближалось

Собор...

К концу ра-
оты...
В. Пастернак
К. Федин
Д. Шибалин
Д. Шостакович
И. Лапина
С. Эйзенштейн
Э. Гарин
В. Дмитриев
Компания, взятая, что называется, наугад, хотя все они ему были знакомы, правда, некоторые шапочно. Разумеется, это был несусветный вздор, никто из здесь упомянутых не подозревал, что он состоит в группе троцкистских заговорщиков под водительством Мейерхольда и покушается на самые основы Советской власти. И заметьте, что никто из этой, случайно составленной команды больших талантов и просто талантов не пострадал и не подвергался репрессиям. А ведь Сталин любил изымать людей списочно, по принципу коллективности, коллег по профессии, — агрономы, военные, врачи, железнодорожники, историки и пр. А здесь угроза прошла мимо. Может быть, Сталин пресытился и решил, что расстрел Мейерхольда, Бабеля, Кольцова и прочих заставит всех других призадуматься, подтянуться, поджать хвосты? А может быть, у современных Борожина, вешателей, расстрельщиков, отравителей были какие-то другие планы? Ведь они не устроили процесса над Литвиновым, хотя явно его готовили.

Дело В. Э. Мейерхольда

к концу, обра-
пока не ожил.
ся, всмотрелся
за, который ег
ды, он не испы
вотребность вы
вестерпимой. I
доказательства
И тогда из да
теста. Медлитель
остался один и
считать себя и
Оч человек не
Именно грех и
Мой...
кументы. Зде
считаться в е
бору СССР, мо
берет верх на

